

Михаил СЕРЕГИН

Я – ВОР

В ЗАКОНЕ

ЗАКОН

БЛАТНОГО МИРА

Михаил Серегин

Закон блатного мира

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Закон блатного мира / М. Г. Серегин — «Научная книга»,

Когда Сашка Степанов, блатной по кличке Филин, откидывался с зоны, он еще не знал, что его ждет в родном Магадане. А там происходит полный беспредел, в котором участвует его родной брат Коля Колыма, правая рука смотрящего по области Бати. Батя наехал на владельцев траулера «Алазань» и потребовал, чтобы они продали судно блатным за 200 кг золота. Но владельцы тоже не лыком шиты – среди них бывший кум с той самой зоны, где чалился Филин. Кум решил сыграть по-своему: расстрелять блатных и забрать золото себе. Но все повернулось по-иному – золото оказалось в руках Филина. Вот теперь настал его час – ведь надо спасти от ментов Батю и брата Колыму, оставить золото блатным да еще разобраться с кумом, с которым у Фили – личные счета.

© Серегин М. Г.

© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Серегин

Закон блатного мира

Глава 1

Поселок Сусуман расположен в северо-западной части Колымского края, в самой его глуши. По прямой от поселка до Магадана километров пятьсот, а реально, учитывая то, что прокладывать дороги напрямик в России еще не научились, получается раза в два больше. Если добираться от Магадана пешком, то можно и неделю на такое путешествие угробить. Впрочем, обычные люди ездят в Сусуман не слишком часто – никаких особенных достопримечательностей в поселке нет, а большая часть его жителей прибывает казенным транспортом – заботу о перевозке зеков к месту заключения испокон веков берет на себя государство. Большая часть приезжающих в Сусуман была именно зеками – в поселке располагался самый суровый штрафной «строгач» на всю Колыму. Сюда со всего Дальнего Востока свозили тех, кто шел против администрации, нарушал устав, все злостное «отрицалово», неисправимых блатных.

Сусуман был вечным пугалом для всех мотающих срок на Колыме зеков. Это была типичная «красная» зона, колымский аналог соликамского «Белого Лебедя», специально предназначенного для того, чтобы ломать и уничтожать блатных. Условия содержания в сусуманском штрафняке были жуткими даже по сравнению с остальными колымскими зонами, которые тоже не похожи на санатории. Вечная мерзлота, туберкулез, недоедание, отсутствие заказов на «промке», зверства лагерной администрации – все было направлено на то, чтобы сломать попавшего сюда зека, раздавить его, уничтожить. Недаром среди магаданской братвы те, кто сумел выжить и не ссучился на Сусумане, считались героями.

В центре лагеря, на краю плаца для развода зеков, находилось двухэтажное здание штаба. Здесь располагались администрация лагеря, оперчасть, медпункт. Правда, к вечеру штаб почти опустел – время было довольно позднее и почти все разошлись. Но в одном из окон первого этажа горел свет.

Начальник оперчасти лагеря майор Решетов сидел за столом и неторопливо писал что-то в лежащем перед ним протоколе. Выглядел майор как-то на удивление по-домашнему: круглое сдобное лицо, высокий лоб, кажущийся таким за счет большой залысины, круглые щеки, маленькие глазки, небольшое, но отчетливо видимое брюшко. Да и выражение лица у него было совсем не такое, какое можно было бы ожидать у лагерного кума – добродушно-скупающее, как у доброго дядюшки, вынужденного сидеть с надоедливым, но любимым ребенком. Очень многие, первый раз встречаясь с Решетовым, обманывались из-за этой его внешней безобидности и считали его человеком не опасным, даже сомневались в его профпригодности. Но каждого, кто совершил такую ошибку, ждало жестокое разочарование. Своей должности майор соответствовал на сто процентов и был, пожалуй, самым опасным человеком из всей администрации сусуманского штрафняка.

Решетов отложил ручку и подышал себе на пальцы, а потом с силой потер ладони друг о друга. Руки у него озябли – в кабинете было довольно холодно. Майор поежился, запахнул воротник накинутого на плечи форменного полушубка, застегнул верхнюю пуговицу и потянулся к стоявшей на столе чашке с горячим чаем. Некоторое время он держал ее обеими руками, явно отогревая их, а потом с удовольствием отхлебнул горячего напитка, вернул чашку на место и снова взялся за ручку. Видно, майор не торопился. Люди, которым по работе приходится много писать, пишут, как правило, быстро и малоразборчиво. Так обычно писал и Решетов, но сейчас он выводил буквы нарочито неторопливо, как старательный первоклассник на уроке чистописания. Написав еще несколько строчек, майор снова приостановился, оторвал

взгляд от протокола, явно интересовавшего его весьма мало, и покосился на человека, скорчившегося на полу рядом с его столом.

Это был полуголый, задубевший от холода зек. Руки его были скованы за спиной наручниками, другая пара браслетов намертво приковала его к стальному кольцу, торчащему из пола, не давая разогнуться. Зек посинел, его колотил озноб, но он был еще не сломлен – в темных глазах, встретивших взгляд майора, полыхнула такая дикая ненависть и злоба, что Решетов тут же отвернулся и продолжил неторопливо заполнять протокол, сделав вид, что ничего не заметил. Зек еще несколько секунд жег его взглядом, а потом снова опустил глаза. Сейчас вся его сила воли уходила на то, чтобы не застучать зубами или не закричать от холода. Зек был невысок, но широкоплеч и мускулист, причем не как накачавшиеся в тренажерном зале спортсмены, а как-то по-звериному – словно под кожей у него канаты были натянуты, толстые канаты.

Почти все тело зека покрывали наколки: несколько церковных куполов, разорванные цепи, оскаленная морда тигра на правом плече – владелец таких татуировок наверняка обладал немалым авторитетом в преступном мире. Только одна из наколок неожиданно выбивалась из общей картины – на левом плече была вытатуирована эмблема тихоокеанского морпеха.

Зеку все же не удалось справиться с ознобом, и в кабинете послышался негромкий стук зубов. Кожа на его обнаженном торсе к этому времени уже совсем посинела, а местами и побелела, губы стали совершенно белыми, словно от лица отлила вся кровь. Но он так и не сказал ни слова Решетову, по-прежнему неторопливо продолжавшему спектакль с оформлением документов. Зек был верен старому лагерному принципу: «Не верь, не бойся, не проси».

Майор еще раз покосился на блатного. Да, крепкий попался орешек! Ну да ничего, и не таких он ломал. В конце концов оформление документов в холодной комнате – это даже не начало обработки, так, предварительная подготовка, что-то вроде физкультуривета перед началом соревнований. Посмотрим, что этот нестигаемый блатарь запоет, когда дело дойдет до более серьезных мер воздействия. Но пока рано, подождем еще немножко, надо дать клиенту дозреть. И Решетов снова принялся аккуратно выводить буквы на бумаге.

Этот спектакль продолжался еще около получаса. Наконец майор отложил ручку, допил чай и повернулся к блатному.

– Филин, – сказал он с издевательски-сочувственной улыбкой, – я тебе хочу одну вещь напомнить. На улице минус двадцать, в ШИЗО – на пять градусов выше. Вечная мерзлота, а пол, как ты помнишь, цементный. Пятнадцать суток – и ты инвалид. И никакая прокурорская проверка не подкопается! Да и откуда ей здесь взяться-то, прокурорской проверке? Так что выбор у тебя невелик: или мы с тобой сотрудничаем, и ты даешь мне расписку, или на свободу выходишь с дырявыми легкими и опущенными почками. Давай подписывай!.. Прополощешься на ПКТ и вернешься к братве героем. Никто ничего не узнает! Что я, дурак, своих сотрудников выдавать?

– Сукой не был никогда и не буду, – сдавленно прохрипел блатной, названный Филином. Язык еле ворочался у него во рту и слушался хозяина с трудом.

– А куда ты денешься? – хмыкнул кум. – Работа у меня такая – сук из вас делать. Думаешь, ты у меня первый такой? И не сотый даже, сам понимать должен. А ведь тебе через месяц на волю. Если, конечно, ШИЗО не боишься – я ведь могу тебе и новый срок накрутить. Хочешь, пошлю сейчас в твой отряд контролера, он у тебя на шконаре «нас» найдет? Или «пику»? Мне-то что, я через три недели увольняюсь из ГУИНа, уже и рапорт подписали. И – на юга, пузо на солнце греть, – с непонятной откровенностью сказал майор. – А вот ты новую пятилеточку не протянешь, «на кресте» зависнешь. Оттуда – на туберкулезную зону «доходом», там и кони шаркнешь. Или, скажешь, я неправильно твое будущее описал?

– Зато перед братвой совесть будет чиста! – разобрать то, что говорил блатарь, было уже совсем трудно. От холода язык с каждой минутой слушался его все хуже и хуже. Впрочем, Решетову было не привыкать выслушивать такое.

– Есть вариант и покруче, – вкрадчивым голосом продолжил майор, словно не расслышав последней реплики блатного. – После ШИЗО отправлю тебя в «козлячий» отряд. Активисты вашего брата лю-любят. Вот и представь, что они с тобой сделают, особенно после ШИЗО, когда ты ноги еле таскать будешь. Через месяц станешь, как миленький, ремонтировать предзонник. С красной повязкой на руке. Соорудим фотоснимок для «Магаданской правды» – зека Степанов Александр Иванович решительно встал на путь исправления. Что потом твоя братва скажет, как думаешь?

– Не дождешься, гражданин начальник... Я раньше ивняк себе покоцаю... – прохрипел зек. – Уж лучше «участок номер 4».

– А зачем? Тебя ведь родной брат на воле ждет, – теперь голос кума стал притворно участливым и сладким до приторности. – Уже целых пять лет ждет, теперь всего месяц остался. Ты ведь можешь его и вовсе никогда не увидеть, то-то он огорчится, бедняга. Ну?

На несколько секунд в комнате стало тихо, потом Филин с трудом, но на этот раз вполне разборчиво выговорил:

– А пошел ты, гражданин начальник, знаешь куда...

Губы Решетова чуть скривились, но больше он никак не проявил того, что зек его задел. Наоборот, устало вздохнул и с деланным равнодушием произнес:

– Ну, как знаешь... Я ведь тебя и по-другому оформшмачить могу! – Майор нажал на кнопку вызова конвоя, и через несколько секунд в кабинет вошел прапорщик-контролер – здоровенный детина с длинными жилистыми руками.

– В ШИЗО его! – приказал прапору Решетов, кивком указывая на блатного, словно в кабинете был кто-то еще. – На пятнадцать суток! Это тебе для начала, – прибавил майор, снова поворачиваясь к зеку. – Чтобы не думал, что я с тобой шуточки шучу. После ШИЗО мы с тобой по-другому поговорим, я думаю.

Прапор шагнул к блатному, отстегнул наручники от кольца в полу и поднял зека с пола. Пожалуй, без его помощи Филин бы и не поднялся, он уже совсем закоченел.

– И имей в виду, – резко сказал Решетов прапорщику. – Если этот урка себе «дорогу» пробьет – сядешь вместе с ним! Имей в виду, я не шучу! Понял?

– Так точно, товарищ майор, – ответил прапор, подтаскивая зека к двери. – Ну, иди давай, зечара, что, я тебя тащить, что ли, буду?! Давай! – Он сильно ткнул Филина кулаком в бок, и тот зашагал сам, с трудом переставляя непослушные ноги.

– Ты, Степанов, все равно будешь под мою дудку плясать! – громко крикнул ему вслед Решетов, привставая со своего места. – Слышишь? Никуда не денешься!

После того как дверь за зеком и конвоиром закрылась, Решетов несколько секунд сидел молча и неподвижно, потом решительным движением придвинул к себе стоявший на углу стола телефон и набрал длинный магаданский номер.

* * *

Через месяц, в воскресенье, у главных ворот сусуманского штрафняка было довольнолюдно. Дело было в том, что по воскресеньям в двенадцать часов дня из лагеря выпускали тех, чей срок кончился и кто мог покинуть штрафняк на своих ногах, а у ворот их встречали родственники, знакомые, кореша... Ну, или никто не встречал, это уж кому как везло.

Так было и в это воскресенье. Неподалеку от ворот стояли люди, в основном маленькими группками – по двое, по трое, хотя было и несколько одиночек. Они или молчали, или о чем-то негромко переговаривались, и все часто посматривали на часы. Было уже около двенадцати,

и главные ворота штрафняка вот-вот должны были распахнуться, выпуская счастливых, для которых этот день должен был стать первым днем воли.

Среди встречающих выделялась одна группа из пяти человек. В отличие от большинства собравшихся они были хорошо, по-городскому одеты, да и лица у них были другие – уверенные в себе, спокойные. Они стояли молча, не переговариваясь ни между собой, ни с окружающими, единой монолитной кучкой. Любому внимательному наблюдателю хватило бы нескольких секунд, чтобы понять – эти пятеро не просто хорошие друзья, пришедшие встретить откинувшегося кореша, они явно не равны друг другу. Среди них есть главный, а остальные – подчиненные.

Человек, который казался в этой пятерке лидером, стоял чуть впереди. Он был одет в длинное серое пальто, из-под которого выглядывали черные брюки, руки он держал в карманах, лишь изредка вынимая левую, чтобы взглянуть на часы. На вид ему можно было дать около тридцати пяти лет. Роста он был невысокого и особенно сильным на первый взгляд не казался, но по выражению лица, по суровому взгляду, по множеству мелких, почти незаметных черточек было видно, что человек этот намного опаснее любого здоровяка-атлета, накачавшего себе в спортзале бицепсы размером с футбольный мяч. Лицо у него было острое, хищное, а взгляд тяжелый. Он был чем-то похож на волка – матерого серого хищника, повидавшего на своем веку и облавы, и капканы, и отравленные приманки, но до сих пор сумевшего остаться в живых и ставшего только опаснее.

Это был Николай Иванович Степанов, больше известный в Магаданской области как Коля Колыма, старший брат Филина, который должен был сегодня откинуться со строгача, честно отмотав свой пятилетний срок от звонка до звонка, как и положено правильному блатарю. Таким же блатарем являлся и сам Коля Колыма – у него за плечами были четыре ходки, все за воровство, все от звонка до звонка, без единого косяка. Как пишут в ментовских протоколах: «опасный рецидивист». Сейчас Колыма был правой рукой смотрящего по Магаданской области, вора в законе Вячеслава Сестринского, больше известного как Батя. По сути дела, Батя являлся теневым хозяином края, в его руках был весь черный оборот золота, дававший баснословные прибыли.

Один из своих сроков Колыма мотал как раз в сусуманском штрафнике и поэтому прекрасно понимал, какие чувства должны обуревать сейчас тех, кому до откидки остались считанные секунды. Тем более что это был его брат – младший, любимый. Колыма снова взглянул на часы. Без двух минут двенадцать. Сейчас начнут выпускать. Ну да, точно, вот уже ворота поехали в сторону, открылись... Ага, а вот и первый освобожденный. Нет, не Сашка, кто-то другой...

Филин вышел из ворот лагеря двенадцатым. Едва увидев брата, Колыма сорвался с места, бросился ему навстречу. Лицо младшего было бледным и истощенным, он сильно исхудал, но на ногах держался вполне уверенно и летящего ему навстречу старшего брата узнал сразу, несмотря на пятилетнюю разлуку.

– Сашка! – Колыма подлетел к брату и крепко обнял его.

– Коля! – сдавленно ответил тот, с трудом удерживая подкатившие к глазам слезы. – Коля, братан!

В этот момент к ним подбежали те четверо, что стояли у Колымы за спиной. В руках у одного из них была новая теплая кожаная куртка, у другого – бутылка виски, у третьего – открытая банка с черной икрой.

– Ну, братан, с откидкой тебя! – выдохнул Колыма, отпуская брата и делая шаг назад. – Давай выпьем за волю и пойдем, у нас тут на окраине поселка вертушка стоит, через пять часов будем в Магадане.

* * *

Вертолет МИ-8 летел над заснеженными сопками, рассекая холодный упругий воздух лопастями винтов. Магаданская братва специально наняла вертушку для того, чтобы отвезти откинувшегося Филина в Магадан – наземным транспортом от Сусумана до областного центра не скоро доберешься. Денег у братвы сейчас много, и на то, чтобы оказать должное уважение правильному блатному, их не жалеют. Тем более Филину – младшему брату Колымы.

Филин уже в полной мере оценил оказанное ему внимание. Что ни говори, откинувшись с зоны, приятно чувствовать, что ты кому-то нужен, что тебя не позабыли за те пять лет, которые ты был оторван от всего мира. Филин сидел в салоне вертолета, лениво покачивая ногой в грязном стоптанном прохаре, поцеживая «Мартель» и закусывая икрой. Все слова были уже сказаны, и сейчас он позволил себе расслабиться. Наконец-то не было нужды постоянно ждать удара, подвоха, тычка в спину, наконец-то он был среди своих, среди тех, кому можно было верить.

Филин прикрыл глаза и отхлебнул еще немного виски. Думать о том, что с ним будет в Магадане, было еще рано, а все остальное осталось позади, и можно было просто отдохнуть.

У иллюминатора стояли два крепких пацана. Один из них был широкоплеч, но невысок, с короткими светлыми волосами и почти квадратным подбородком, второй темноволос, черноглаз и остролиц, со впалыми щеками и слегка загнутым носом. Он чем-то напоминал цыгана. Парни негромко разговаривали. Они уже успели выпить за освобождение уважаемого человека и теперь оставили его в покое. Судя по их интонациям, разговор шел о каком-то важном деле. Сквозь шум двигателя и гул винтов вертолета до ушей Филина доносились отдельные слова: «рыбные квоты», «Алазань», «через пару недель поставить на понятия». Впрочем, Филин особенно не прислушивался. Не его это дело – будет нужно, сами расскажут.

Сидевший напротив Филина Колыма задумчиво смотрел на брата. Да, истощал брат! Лицо бледное, худое, кожа натянута, под глазами мешки. Движения слегка неловкие, да и куртка на нем мешком висит, как на вешалке, хотя специально подбирал под его размер. Совсем исхудал, бедняга. Здорово его умотал сусуманский штрафняк. Ничего удивительного в этом нет – правильный блатной так и должен выглядеть, выходя с штрафной зоны, как иначе? Сам-то после Сусумана какой был в свое время? С месяцок походит братан, отъестся, отоспится, обрастет мясом, станет как новенький. Тогда можно будет и к делу пристроить. Надо бы еще подумать, куда именно его приткнуть. Надо по этому поводу с Батей посоветоваться...

Тем временем прямо по курсу вертолета уже показались городские огни, и вертушка пошла на посадку.

– Ну вот, братан, мы и прилетели, – сказал Колыма, когда вертолет коснулся земли. – Поедем сейчас ко мне, а там видно будет.

Глава 2

Над Ногайским заливом сгустились сумерки. Небо покрывали тучи, в редких просветах между ними иногда появлялась бледно-желтая луна, освещавшая залив и порт призрачным светом. Кроме луны источниками света были береговые прожекторы да огни раскинувшегося на сопках города, сейчас довольно частые. Спать почти никто не лег, но свет зажгли уже все.

Порт казался вырезанным из черной бумаги и наклеенным на серый лист – густо-черные силуэты козловых кранов, складов и локомотивов на фоне серого неба, силуэты сухогрузов на горизонте. Корабли можно было и не заметить, но на них тоже горели ночные огни, привлекая внимание. Впрочем, большую часть сухогрузов закрывали плавучие доки, стоявшие совсем близко к берегу, или таможенные терминалы. В порту было тихо и безлюдно. Большая часть толкущихся здесь весь день людей разошлась по домам, остались только ночные сторожа да те из бичей, которым порт служил местом ночлега. Но и этих оставшихся было не видно и не слышно. Сторожа расположились на своих рабочих местах, бичи попрятались. Тишину нарушал только громкий лай собаки, доносившийся от главных ворот порта. Чем-то псина была недовольна, не иначе помешал кто, прогнал с насиженного места.

Луна в очередной раз вышла из-за скрывавших ее туч и осветила стоявший у главного причала огромный траулер явно заграничной постройки, похоже, японской. Даже в неверном, бледном лунном свете было видно, что корабль совсем новенький, только-только со стапеля, даже краска на высоких бортах еще не успела облупиться и облезть. Может быть, всего-то один путь он и проделал за все свое недолгое существование – от доков, где был построен, сюда, к новому хозяину. Траулер слегка покачивался на небольшой волне. Луна снова скрылась за тучами, и корабль окутала сгустившаяся темнота. Теперь виден был только выхваченный лучами береговых прожекторов кусок обращенного к берегу борта, на котором гордо красовалось выведенное крупными буквами название корабля: «Алазань».

На пирсе, прямо напротив причала, возле которого качался на волнах траулер, стояли два человека. Ни лиц, ни деталей одежды в скудном свете было не видно – только темные силуэты, особенно отчетливые на фоне белого борта корабля. Мужчины стояли, опершись на перила, и молча глядели на корабль.

Наконец один из них нарушил молчание:

– Ну, что скажешь? – В голосе звучала ясно различимая гордость, словно его хозяин хвастался перед своим собеседником и ждал, чтобы тот выразил если не восхищение, то как минимум радость.

Второй несколько секунд помолчал, потом неопределенно хмыкнул.

– Такое вот средство производства, – снова заговорил первый. – Настоящий рыбокомбинат. Прикидываешь, сколько капусты он за сезон принесет?

– Тут я не спец, – спокойно ответил второй. – Хотя выглядит, конечно, впечатляюще. Главное, что квоты под фирму выбили. Неужели и правда научные? – В голосе говорящего отчетливо слышались нотки недоверия. С таким удивленно-обрадованным недоверием может переспросить родителей ребенок, получивший на день рождения живую лошадку вместо ожидаемой тряпичной игрушки.

– Правда, правда, – с легкой усмешкой отозвался первый. – Что, не верится? А вот так-то. Теперь можем ловить сколько угодно. И ни один рыбнадзор до нас не докопается.

Научные квоты и в самом деле были мечтой любой рыболовной фирмы. Каждый год московский Госкомрыболовства выдавал рыболовным фирмам квоты на вылов рыбы и морепродуктов. Всего их четыре типа, и так называемые научные – самые козырные. Они давали право добывать рыбу и морепродукты где угодно и когда угодно, даже в период нереста – офици-

ально для высоких целей ихтиологии, а на деле, как правило, для обыкновеннейшей продажи за кордон.

Некоторое время собеседники молчали. Потом первый полез в карман и вытащил пачку сигарет.

– Закуришь? – спросил он у своего соседа.

– Давай.

Скупой огонек зажигалки на мгновение осветил их лица, но тут же погас, зато теперь в темноте горели две яркие точки тлеющих сигарет.

– Море морем, – заговорил спустя минуту второй, – однако рыбный бизнес – это не только море. Подводных камней и скрытых течений и на берегу хватает, сам знаешь, – голос его звучал нарочито небрежно, но чувствовалось, что говорить он начал о вещах по-настоящему важных.

Почувствовал это и его собеседник. Первый сбавил тон, но в то же время его голос стал более напряженным.

– Имеешь в виду нашего жирного и его проблемы? – уточнил он.

– Именно. Наехали на него. И серьезно.

– Кто?

– Блатные.

Первый затаился дымом сигареты, несколько секунд молчал, явно обдумывая услышанное, коротко сказал:

– Вот ты с этим и разбирайся. А я пособию в случае надобности. У тебя же ведь наверняка какие-нибудь наметки есть, а то бы ты этот разговор не начинал. Правильно?

Второй кивнул:

– Да. Я уже знаю, как с ними разбираться. А от жирного рано или поздно все равно придется избавиться. Ведь фирма с траулером на нем висит.

– Избавимся. Но чуть погодя, сейчас рано еще.

Они стояли на пирсе еще около получаса, неторопливо переговариваясь, обсасывая подробности дальнейших планов, потом развернулись и направились к выходу с территории порта, неподалеку от которого были припаркованы их машины.

– Ну давай! – сказал первый, подавая партнеру руку. – Удачи тебе!

– Спасибо, – чуть иронично хмыкнул второй. – Она нам понадобится.

Они разошлись в разные стороны, сели в свои машины, и через мгновение порт окончательно опустел, только продолжала обиженно лаять собака. Два бича все-таки сумели выгнать ее из закутка возле теплой трубы, и сейчас ей нужно было искать себе новое место.

Глава 3

Блестящий штык лопаты вонзился в грунт. Филин налег на черенок, разрыхлил край – лопата скрипнула по камню – и начал аккуратными, экономными движениями выбрасывать землю из ямы. Он уже почти две недели работал могильщиком на этом огромном кладбище, расположенном на дальней оконечности Магадана. Устроился он сюда просто для того, чтобы не было проблем с участковым и повторной посадкой, на всякий случай. Долго работать здесь он не собирался – как и всякому правильному блатному, это было западло, но и нарочно переть на рожон и нарываться на неприятности по мелочам Филин не собирался.

Да и работенка, по сути дела, была не слишком сложной. Из-за вечной мерзлоты, начинающейся на глубине десяти – пятнадцати сантиметров, грунт сначала разогревали специальными парогенераторами, а сами ямы рыли с помощью японских мини-экскаваторов, так что на долю Филина и прочих мужиков-могильщиков оставалось только доделать то, что не могли машины – выровнять края ямы, придать ей прямоугольную форму, выгрести со дна лишнюю землю. Работать с разогретой землей было несложно, единственное, что раздражало Филина, это постоянная грязь.

Впрочем, он надеялся, что скоро к ней привыкнет, так же, как привык к постоянному грохоту моторов, скрежету техники, то и дело вздымающимся по всему кладбищу облакам белого пара. Да и вообще, после сусуманского штрафняка такую работу он считал чуть ли не санаторием. К тому же физические упражнения были сейчас полезны для здоровья. Ел Филин теперь, после полуголодного лагерного существования, за четверых, а работа не давала пище уходить в жир, перегоняя ее в мышцы.

Выбросив последнюю горсть земли, Филин разогнулся, отер пот со лба тыльной стороной ладони. Все, считай, могила готова, значит, на сегодня осталась еще только одна, потом можно будет переодеться и идти домой. А сейчас надо маленько передохнуть и покурить. Он выбросил из ямы лопату, потом выбрался сам и направился к тройке могильщиков, сидевших неподалеку на деревянной скамейке. Кажется, у них тоже был перекур. Подойдя, Филин кивнул мужикам, уселся с краю и достал папиросу.

– Дай прикурить, – попросил он соседа, невысокого чернявого мужика в засаленном бушлате и вязаной шапочке. Тот рассеянно кивнул и протянул Филину коробок со спичками, даже не повернувшись. Видимо, его очень сильно увлекал разговор с двумя другими мужиками.

Филин прикурил, затянулся дымом и тоже прислушался к разговору.

– ...а я говорю, это бандитские разборки! – горячился совсем маленький мужичок, сидевший в центре, на самой середине скамейки. – Поэтому и могилы без имен, без фамилий, поэтому и не ходит к ним никто!

– Да не гони, Серега, – сплевывая себе под ноги, лениво отозвался широкоплечий здоровяк, чем-то похожий на бульдога. Он сидел слева от говорившего и явно был настроен скептически. – Что ты заладил сразу: «Бандиты, братва, разборки»! У тебя жена заначку за телевизором найдет, так ты и то на бандитов подумаешь. Помнишь, осенью у вас около дома парень шарился, нужную квартиру найти не мог, а ты орал: «Вор, вор присматривается!» Вот и сейчас ты так же гонишь!

– А почему тогда могил столько номерных стало?! – возмущенно спросил маленький. – Раз могила номерная, значит, труп неопознанный и не востребовавшийся, значит...

– Значит, бич это какой-то, – перебил его здоровяк. – Обычный бич, ни друзей у него, ни родственников, вот и хоронят под номером. У братков-то, наоборот, похороны всегда пышные. Ты вспомни, как в прошлом году Гамзаева хоронили. Или спортсменов, когда у них с черными разборка началась.

– Сначала-то хоронили, а потом перестали, как их всех повыбили. Трусили братки на похоронах светиться.

– Ну и что? Братки-то трусили, а родственники? У любого быка тут папа с мамой есть, братья, сестры, ну или хоть какие родственники. Так что бичи это обычные, в номерных могилах-то. И разборки тут ни при чем. Да и какие у нас сейчас разборки, с прошлого года, когда ингуши со спортсменами резались, все тихо.

– А почему этих твоих бичей так много стало?! Ведь сам видишь, с каждым месяцем все больше народу под номерами хоронят!

– Ну... – задумчиво протянул здоровяк, явно не зная, что ответить.

Тем временем папираса у Филина догорела, и он, так и не вступив в разговор, встал со скамейки и отошел в сторону, к последней могиле, которую ему надо было сегодня обработать. Особенного впечатления услышанный разговор на него не произвел, но в памяти отложился.

Через час работа была закончена. Филин отнес инструменты в кладовку, встал под душ, переоделся в цивильное и вскоре вышел за ворота кладбища. Здесь он остановился и вдохнул воздух полной грудью. Атмосфера кладбища всегда действовала на него угнетающе, она постоянно напоминала ему о бренности и недолговечности человеческой жизни, о том, что рано или поздно его самого закопают. Скорее всего, на этом же кладбище, и хорошо еще, если не в номерной могиле. Кроме того, многочисленные решетки оград постоянно напоминали Филину о зоне. Он в который раз подумал, что не очень удачно выбрал себе место работы, но в который же раз и отмахнулся от этих мыслей. В конце концов он вор и честно работать не собирается, а где перекантоваться, особой разницы нет.

Филин подошел к скромной «Тойоте», которую дал брат, и поехал в центр города. Он собирался провести часок в стрелковом тире, восстановить подзабытые навыки.

* * *

»Тойота« остановилась возле неприметного трехэтажного здания, стоявшего на одной из центральных улиц города. Филин вылез из машины, поставил ее на сигнализацию и уверенно шагнул к входу в полуподвал, который украшала неброская вывеска: «Стрелковый тир „СНАЙПЕР“». Филин был здесь уже два раза и успел увериться, что старший брат не зря порекомендовал ему именно этот тир. Дело в том, что тир не был обыкновенным стрелковым, в котором подвыпившие мужички развлечения ради с пяти метров стреляют из воздушшек по деревянным игрушкам и пивным банкам, отстегивая по три рубля за выстрел.

Нет. Этот тир был профессиональным – стреляли в нем из боевого оружия и с нормальных дистанций. Конечно, официально это было разрешено только сотрудникам силовых органов или официально зарегистрированных охранных агентств, но неофициально возможность потренироваться имел любой, кого хозяевам заведения рекомендовал кто-то из их знакомых, к числу которых, разумеется, относился и Коля Колыма. Так что, даже в случае неожиданной проверки, неприятности, которые менты могли бы устроить Филину, были минимальными – ну взял мужик посмотреть боевое оружие в руки, с разрешения хозяев, кстати говоря. Ну и что? Не убил ведь никого и даже не стрелял. Ведь доказать, что именно Филин стрелял в мишень, было бы сложно, особенно когда два-три надежных свидетеля говорили бы обратное. Но даже такие, не особенно серьезные инциденты здесь случались последний раз больше года назад – с тех пор хозяева успели договориться с районным УВД, и теперь их вовсе не трогали.

Филин спустился в подвал, кивнул здоровенному охраннику, который уже знал его в лицо, и подошел к стойке.

– Как и в прошлый раз?... – лаконично поинтересовался стоявший за стойкой невысокий пожилой мужчина.

Филин кивнул и через несколько минут уже стоял у барьера с заряженной мелкокалиберной винтовкой в руках. Медленным движением он поднял оружие к плечу, тщательно прицелился и плавно нажал на спуск. Потом еще раз. И еще. Подвал отзывался на каждый выстрел гулким эхом, но Филин не обращал на него внимания. Когда у него в руках было оружие, весь остальной мир совершенно не интересовал его.

Сделав серию из пяти выстрелов, Филин отложил винтовку и посмотрел на мишень через глазок оптического увеличителя. Его губы искривила злая усмешка. Все пули попали в цель, в наклеенную на мишень фотографию кума из сусуманского штрафняка. Три пули пробили лоб и по одной попало в каждый глаз. Несмотря на пятилетнее заключение, стрелять бывший морпех не разучился. Некоторым вещам в российской армии учили на совесть.

– Ох, встретимся мы еще с тобой, – еле слышно прошептал себе под нос Филин.

Отодвинув трубу увеличителя, Филин снова взялся за винтовку, но тут в кармане его куртки раздался писк мобильного телефона.

– Слушаю, – сказал Филин, поднеся мобильник к уху. – Кто это?

– Привет, братан, – послышался в трубке голос Коли Колымы. – Чем занимаешься? Отмаялся уже на кладбище?

– Отмаялся, отмаялся. Сейчас в тире по мишенькам стреляю.

– О, дело хорошее! А на вечер у тебя какие планы?

– Да никаких особо. Домой пойду, спать.

– Я к тебе зайду вечером, лады?

– Какой разговор, Колян! Ты еще спрашиваешь! Заходи, конечно, посидим, выпьем, мне ведь сейчас и выпить-то не с кем, а одному не хочется. Заходи!

– Ну, значит, буду. Удачи!

– Удачи! – ответил брату Филин, выключил телефон, вернул его в карман и снова взялся за винтовку. Нижняя часть лица кума оставалась еще необработанной.

Глава 4

В начале девятого вечера народу в центре Магадана обычно бывает не слишком много. Всевозможные увеселительные заведения еще только-только открываются, клиентов мало, основная толпа повалит только часа через два-три. Но все же в трехэтажном здании сталинской постройки со светящейся вывеской «Казино „Корона“ на фасаде было довольно оживленно. Правда, из полутора десятков карточных столов главного игрового зала, на которых белели карты для „Блэк Джека“, были заняты только два. Но у большой рулетки уже собралась довольно приличная толпа народу.

Высокий, подтянутый крупье с усталым лицом последний раз пригласил игроков делать ставки и запустил рулетку. Пока колесо удачи вращалось, он позволил себе на несколько секунд расслабиться и прикрыть глаза. Смены в казино длились по двадцать четыре часа, и его смена как раз заканчивалась. За прошедшие сутки он не спал и толком не ел, так что держаться в форме сейчас было трудно.

– Эй, ты что, спишь, что ли?! – резкий окрик вывел крупье из полусонного состояния, он открыл глаза и с ужасом понял, что сейчас чуть не заснул прямо на рабочем месте. Хорошо, что никого из начальства поблизости не видно, а то взгребли бы так, что мало не показалось бы.

– Офонарел вконец, урод сонный! Ты ж не на заводе работаешь, понимать должен! – продолжал возмущаться тот же толстый мужик, чей голос привел крупье в себя.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – заученно улыбнувшись, сказал крупье, стараясь успокоить скандалиста. По опыту он знал, что такие вот здоровенные толстые мужики могут обеспечить кучу хлопот, и лучше с ними не конфликтовать. Толстяк недовольно хмыкнул, но больше ничего не сказал. Крупье облегченно вздохнул и опустил глаза, внимательно следя за уже почти остановившимся шариком. «До чего же у него рожа противная», – мелькнула в голове крупье непрошенная мысль, но усилием воли он тут же отогнал ее от себя, хотя она и была, пожалуй, вполне справедлива.

Внешностью толстяк и впрямь обладал совершенно отталкивающей. Маленькие пороссячьи глазки, обрамленные светлыми ресницами, едва видны на заплывшем жиром лице, подбородок был даже не двойным, а тройным как минимум. Редкие светлые волосы были зачесаны назад, открывая на всеобщее обозрение большую лысину. Все лицо покрывал пот – толстяку явно было жарко в казино, из нагрудного кармана его рубашки торчал угол платка, которым он вытирал вспотевшее лицо и лысину. Огромный живот выпирал из расстегнутого пиджака, а натянутые на него брюки невольно вызвали какие-то странные ассоциации. Например, с туго надутым воздушным шариком, невесть зачем перевязанным посередине веревочкой.

Трепещущий в колесе рулетки шарик наконец остановился, немного качнулся и снова встал, на этот раз окончательно. Выпал номер двадцать четвертый, красный. Стоявшие вокруг стола игроки зашумели, кто радостно, кто с досадой, но всех их перекрыл голос толстяка:

– О! Я ставил на двадцать четыре! Я выиграл!! Давай сюда фишки!

«Почему таким уродам всегда везет?» – мрачно подумал крупье, подгребая своей лопаткой фишки к улыбающемуся во весь рот толстяку.

– Заберите ваш выигрыш, господин, – нарочито спокойно и безразлично сказал он. Уж что-что, а прятать свои истинные эмоции эта работа его научила давно.

Толстяк сгреб со стола свой выигрыш, но на следующий призыв крупье делать ставки не отозвался. Поколебавшись несколько секунд, он развернулся, отошел от стола и направился к кассе.

Через несколько секунд, успешно обменяв фишки на деньги, со все той же довольной улыбкой на лице толстяк вышел в вестибюль. Жить было хорошо, и жизнь была хороша. Он небрежным движением поправил пачку банкнот в кармане и двинулся к выходу из казино, но

тут почувствовал, что для придания жизни полнейшего совершенства не мешало бы зайти в туалет.

В казино он был не первый раз, а потому легко добрался до нужной ему двери, украшенной табличкой с надписью «Man V. C.» Для чего владельцам казино потребовалось делать надпись по-английски, оставалось только догадываться. Не иначе надеялись, что со дня на день в Колымский край повалят толпы англоязычных туристов, и тогда-то их предусмотрительность будет иностранцами соответствующе оценена. Однако пока таких чудес не происходило, и надпись только путала простых российских граждан, которые в большинстве своем импортными языками не владели, ограничиваясь русским простым да русским матерным.

Взявшись за ручку двери, толстяк краем глаза заметил в нескольких шагах от нее двух парней в темных костюмах. Один из них был светловолосым, приземистым крепышом, а второй похож то ли на кавказца, то ли на цыгана, и пальцы на правой руке у него были татуированы. Впрочем, дела до них толстяку не было, и он спокойно закрыл за собой дверь.

Едва дверь закрылась, парни пришли в движение. Судя по всему, у них как раз было какое-то дело к исчезнувшему в туалете мужику. Они переместились к самой двери и быстро обменялись несколькими скупыми жестами, после чего светловолосый крепыш вошел в туалет вслед за толстяком, а чернявый цыган остался стоять у двери, оперевшись спиной на стену и бдительно осматривая оба ведущих сюда коридора.

Толстяк услышал хлопнувшую дверь туалета как раз тогда, когда расстегивал ширинку. Сделать это было не так уж легко. Огромный живот закрывал промежность, действовать приходилось на ощупь, и на донесшийся до него звук толстяк не обратил ни малейшего внимания. А зря. В следующую секунду мощный удар в середину спины швырнул его вперед, на стенку. В следующее мгновение светловолосый парень схватил толстяка одной рукой за воротник, а второй за ремень и одним движением, как морковку из грядки, вырвал из кабинки.

Несмотря на то что весил толстяк под сто килограммов, светловолосый крепыш ворочал его легко, словно надувную куклу. Продолжая держать жертву за шиворот, он впечатал ее в противоположную стену, покрытую белоснежным кафелем. На белом фоне моментально образовались красные брызги, а лицо оторванного от стены человека превратилось в сплошную кровавую маску. После этого парень сильно ударил толстяка в грудь, а когда тот с хлюпающим звуком согнулся, мощным толчком повалил его на пол и несколько раз сильно пнул по жирной спине и по голове. Потом снова ухватил за шиворот, поднял на колени, подтащил к кабинке и макнул головой в унитаз. Толстяк беспорядочно замахал руками, попытался вынуть голову, но татуированная рука парня была словно из железа выкована, и отпустил он толстого только секунд через десять. Тот вытащил голову и, отплевываясь, часто-часто задышал. К несчастью, в унитаз его окунули как раз во время вдоха, так что за несчастные десять секунд он чуть не захлебнулся.

Вся экзекуция продолжалась не больше минуты и теперь, похоже, была закончена. Светловолосый парень спокойно стоял над сидящим на полу толстяком и внимательно смотрел на него, словно думал, добавить еще или уже хватит. Толстяк тяжело, затравленно дышал, спиной вперед медленно отползал подальше в угол. При очередном неловком движении из кармана у него вывалилась пачка банкнот. Но нападавший не обратил на деньги ни малейшего внимания. Еще раз смерив презрительным взглядом жалкого, забившегося в угол толстяка, он негромко, но веско сказал:

– Подумай, за что...

После этого он развернулся, вышел из туалета и, присоединившись к своему стоявшему снаружи напарнику, в ту же минуту покинул казино через окно находившегося на первом этаже туалета.

Вскоре выбрался из туалета и толстяк. Он уже успел немного прийти в себя, собрать деньги и понять, что все произошедшее никак не похоже на банальное ограбление.

– Охрана!! – заорал он тонким, срывающимся голосом. – Охрана, сюда!!

Но сбежавшиеся через несколько минут секьюрити оказались бессильны. Они быстро обыскали здание, а потом только беспомощно разводили руками. Никто не видел преступников, никто ничего не знает. Ничем не смогли помочь и появившиеся через полчаса менты. Только составили протокол, сняли с уже приведенного в приличный вид толстяка официальные показания, записали словесные портреты нападавшего и его напарника. А дальше-то что? Завести дело и поймать преступника – две большие разницы. Особенно когда происшедшее не случайность, а тщательно спланированная и безупречно проведенная акция. Похоже, это прекрасно понимал и сам потерпевший. Именно поэтому он так злобно ругался на всех окружающих. Но руганью делу было не помочь, и это он тоже отлично понимал.

* * *

– Коньяку, – мрачно потребовал толстяк у бармена. Тот невозмутимо наполнил маленькую рюмку и придвинул ее к капризному клиенту. Этот толстяк уже изрядно достал его своими постоянными придирками. Коньяк ему, видите ли, холодный. А каким же ему еще быть? Подогревать его принято в ладонях, уже налитым в бокал! То рюмка грязная, хотя сам только что из нее пил, то еще что-нибудь не так... В общем, не клиент, а одно наказание. Чаевых от такого точно не дождешься, хорошо еще, если при расчете кинуть не попытается. Ну что за люди!..

Впрочем, на лице бармена эти мысли не отразились, и толстяк так и не узнал, какое о нем составлено нелестное мнение. Настроение у него и правда было отвратительное. После того как на него напали в туалете казино, прошло уже два часа, а голова и спина все еще болели. Правда, врач сказал, что серьезных повреждений у него нет, но все равно больно! Ох, суки паршивые, добраться бы до вас!

Лицо толстяка искривила злобная гримаса, он невнятно пробурчал себе под нос несколько ругательств и залпом выпил налитый барменом коньяк.

– Еще!

Через несколько секунд его рюмка снова была наполнена, и толстяк мрачно уставился на нее. Нет, надо немножко подождать. Порции, конечно, маленькие, но он выпил уже довольно много, не хватало еще нажраться. Он сюда не для этого пришел, напиться можно было и дома. А сейчас нужно немного расслабиться, отвлечься и думать о чем угодно, но только не о том, кто заказал нападение на него и чего этому заказчику было нужно. Самым неприятным было то, что в глубине души он догадывался, кто и зачем. Прошедших двух часов хватило, чтобы обдумать ситуацию. Но ответ толстяку так не нравился, что он словно пытался скрыть его от себя, не понимая, что ведет себя точь-в-точь как прячущий голову в песок страус.

Стараясь отвлечься, толстяк повернулся и стал сквозь стеклянную витрину бара смотреть на ночную улицу. Видно было плохо, как и всегда, когда пытаешься из освещенного помещения смотреть в темноту. Хорошо различались только горящие через дорогу неоновые вывески какого-то ночного клуба да изредка проезжающие мимо автомобили с зажженными фарами.

Вскоре это занятие ему надоело. Выпитый коньяк наконец-то ударил в голову, мысли стали легкими, а настроение начало постепенно улучшаться. Оставшееся в прошлом нападение казалось теперь чем-то мелким, незначительным и уж точно не стоящим особенных переживаний. Он наверняка найдет выход, уже почти нашел, нужно только собраться с мыслями. Вот сейчас еще рюмочку...

Толстяк вовремя успел взять себя в руки и заметить, что пьянеет. А ведь завтра с утра голова должна быть свежая. Он с некоторым трудом привстал с табурета, рассчитался с барменом и двинулся к выходу.

– Может быть, вам такси вызвать? – предупредительно спросил бармен, обрадованный тем, что хоть рассчитался капризный клиент без скандала.

– Не надо. Сам дойду, – уверенно ответил толстяк, хотя язык у него слегка заплетался.

Он вышел из бара и на секунду остановился, полной грудью вдыхая отрезвляющий свежий вечерний воздух.

Из-за угла раздался громкий визг покрышек. С соседней улицы на бешеной скорости вывернула неприметная малолитражка. Из ее открытого окна торчало украшенное глушителем дуло автомата. Машина промчалась в нескольких метрах от оцепеневшего толстяка, и бесшумная очередь вспорола воздух у него над головой. За спиной у него раздался грохот разбитого стекла, и огромная, во всю стену стеклянная витрина бара водопадом обрушилась ему под ноги. Машина, из которой стреляли, исчезла за углом, а толстяк, схватившись за сердце, оседал на асфальт. Ни одна пуля его не задела, стреляли явно поверх головы, но человека уже просто не держали ноги, все его тело была крупная дрожь.

– Эй! Вы живы?! Что с вами?!

Толстяк открыл глаза и увидел маячившее над ним испуганное лицо бармена.

– Это в вас стреляли? Кто это был? Вы не ранены?

Толстяк попытался что-то ответить, но язык его не слушался.

Прибывшая через несколько минут милиция сумела сделать не больше, чем в казино.

– Неизвестные лица, на машине с неустановленным номером... Вы точно не запомнили номер машины? Нет? А марку? Сержант, пиши: «...и неустановленной марки...» Откуда, говорите, вывернула? Из-за того угла? Ясно... Кстати, ваши ФИО? Ага, Туманов Валерий Игоревич... Род занятий? Ах, бизнесмен!

Лицо молодого старлея озарилось понимающей улыбкой, и он тут же засыпал толстяка кучей вопросов. Не угрожали ли ему в последнее время его конкуренты? Нет ли у него каких-нибудь должников или, наоборот, кредиторов? Не было ли угрожающих записок или телефонных звонков? Ах, на вас нападали два часа назад? Так, господин Туманов, придется вам проехать с нами в райотдел и там дать подробные показания. Что значит не хотите? Это же не я придумал, таков порядок. В вас ведь не из рогатки выстрелили, нужно уголовное дело возбуждать, так что ваши показания необходимы.

Вяло поотнекивавшись еще несколько минут, Туманов сдался и, усевшись в милицкий «уазик», отправился в райотдел.

* * *

Валерий Игоревич Туманов лежал на своей роскошной кровати в совершенно отвратительном настроении. Даже шикарная обстановка любимой квартиры не радовала хозяина. Минувший день выпил из него все соки и изрядно истрепал нервы. Все-таки не каждый вечер тебя сначала избивают и макают головой в унитаз, потом выпускают в тебя очередь из автомата, а на закуску еще и мурыжат до поздней ночи в райотделе милиции. Туманов скрипнул зубами и тихо выругался.

Менты из райотдела мучали его часа три. В основном выясняли подробности его работы, интересовались клиентами, поставщиками и, самое главное, конкурентами, которых явно считали возможными заказчиками наезда. Несколько раз спрашивали мнение Туманова о том, кто бы это мог быть. Но он отмалчивался. В конце концов у него самого были только смутные догадки, и в том случае, если бы они оказались верными, обращаться в милицию было бы роковой ошибкой. Поэтому он делал круглые глаза, говорил, что сам ничего не знает и не понимает, и отвечал толково только на конкретные вопросы. В общем, помогать органам дознания не рвался. Менты из райотдела это, вероятно, вскоре поняли и к расследованию тут же изрядно охладели. Но официальные процедуры и заполнение всевозможных бумажек все равно отняли кучу времени, и освободили его только в начале первого. Сейчас был уже час

ночи, и по-хорошему пора было ложиться спать, но сон не шел – сказался дважды пережитый за вечер стресс, после которого Туманов до сих пор никак не мог до конца прийти в себя.

Поняв, что так он может до утра проваляться, Туманов встал с кровати и подошел к встроенному в стену бару. Нет, коньяка на сегодня хватит, лучше просто водочки принять, глядишь, полегчает. А не полегчает, так еще примем, пока спать не захочется. Он набулькал себе сто грамм и жажнул одним глотком. По телу тут же покатилась теплая волна, и жить стало чуть легче. Он налил себе еще столько же, но пить сразу не стал, вернулся на кровать и поставил стакан на журнальный столик. Спать все еще не хотелось, но он чувствовал, что скоро глаза начнут слипаться, он сможет забыться, и этот проклятый день наконец-то кончится.

Прикрыв глаза, Туманов неожиданно подумал о том, как же все-таки хорошо жить. И это понимаешь только тогда, когда твоя жизнь подвергается опасности. Впрочем, тут же мысленно возразил он себе, жизнь его как раз опасности не подвергалась. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что и избиение в казино, и стрельба около бара – это не покушения. Если бы его хотели убить – то убили бы. Значит, запугивают. Значит, чего-то хотят. И он, кажется, знает, чего именно.

Но додумать эту мысль до конца Туманов не успел. Слабо дзинькнуло оконное стекло, сразу же после этого в стену над головой что-то глухо ударило, и срикошетировавшая от стены пуля выбила кусок штукатурки из противоположного угла комнаты. Ворвавшийся сквозняк наполнил воздухом задернутую занавеску, и она вспухла огромным пузырем. Туманов лежал на кровати ни жив ни мертв, вжимаясь в покрывало и с ужасом ожидая следующих выстрелов. Но их не было.

Секунда бежала за секундой, и как только способность мыслить здраво вернулась к нему, Туманов начал понимать, что это еще одна акция запугивания. Он осторожно привстал с кровати, подошел к разбитому окну, покрытому паутиной трещин, возникших вокруг небольшой дырки от пули, и выглянул наружу. Как и следовало ожидать, ничего подозрительного он не заметил. Темнота, слабо освещенный единственным фонарем двор да огни окон стоящего напротив дома.

«Оттуда и стреляли», – подумал Туманов, отходя от окна. Ноги у него дрожали, а когда он взял с журнального столика стакан с водкой, то заметил, что и руки тоже трясутся мелкой противной дрожью.

– Достали вы меня, – непонятно к кому обращаясь, вслух сказал Туманов. – Так жить нельзя, я так сам подохну раньше, чем вы меня пристрелите.

Он выпил водки, но на этот раз она не принесла ровным счетом никакого облегчения, наоборот, на душе стало только мутнее. Он снова лег на кровать и закрыл глаза, даже не подумав позвонить в милицию. Толку от нее в такой ситуации явно не предвиделось.

«Запугивают... – билось у него в голове. – Хоть бы сказали, что им надо... Хотя это я, кажется, и сам понимаю. Но все равно... Про условия бы сказали...»

Мысли прыгали в голове, как перепуганные зайцы, и Туманов даже обрадовался, когда услышал звонок телефона. «Они, – тут же подумал он. – Кто еще может звонить в такое время?»

И он не ошибся. Поднеся трубку к уху, Туманов услышал спокойный и немного печальный стариковский голос:

– Тебе везет. Пока. – Это «пока» понять неправильно было невозможно, но что ответить, Туманов не знал.

– Да ты... Да я... – он чувствовал, что лепечет, как ребенок, но нужные слова не шли на язык.

– Конечно, ты можешь ломануться с заявой в ментуру – твое право, – продолжал старик, словно размышляя вслух, а не беседуя. – Да вот только много ли тебе от этого будет толку? На каждый день менты к тебе телохранителя не приставят. Да ведь и не только тебя надо будет

охранять, – говоривший сделал небольшую паузу, а потом словно ненароком обронил: – «Ала-зань»...

– Что тебе надо? – хриплым, лающим голосом спросил Туманов.

– Вот это уже деловой разговор, – одобрительно сказал старик. – Послушай хороший совет. От «Алазани» тебе лучше избавиться. Ну, не климат тебе рыбным бизнесом заниматься! Пока я тебе за эту посудину конкретное лавэ предлагаю. Ровно столько, сколько ты за нее заплатил. Пусть лучше на меня наезжают, – со смешком закончил неизвестный абонент.

– А если...

– Только не надо глупостей, – голос старика сразу стал жестче, в нем прорезался металл. – Сегодня тебя три раза могли убить, но пока пожалели. А ведь завтра могут и не пожалеть, сам понимаешь. Я ведь когда добрый, а когда и беспощадный. Слышал, наверное?..

– Хорошо... – упавшим голосом сказал Туманов. – Я согласен.

– Вот и правильно, – хмыкнул собеседник. – Не придется, значит, лишний грех на душу брать.

– А где встретимся, чтобы все оформить? Тебе ведь в офис приходиться не покатит?

– Не покатит. Так что давай уж лучше ты ко мне.

Толстяк-судовладелец с минуту молчал, размышляя, а потом ответил:

– Ладно. Только я вместо себя человека пришлю.

– Да не менжуйся! Не обижу. Хотя и могу по закону тебе по ушам надавать. Сам знаешь за что.

– Я к тебе не поеду! – Голос Туманова слегка подрагивал, чувствовалось, что бизнесмен не на шутку перепуган. Что ж, в этом не было ничего удивительного, многие люди и похрабрее его не стыдились признать, что боятся нынешнего собеседника Туманова.

– Твое право, – хмыкнул старик. – Мне все равно, кто документы привезет. Хотя о-очень хотелось бы с тобой встретиться. Так что, говоришь, за человек вместо тебя придет?

– Голубев Дмитрий Семенович.

– А кто он такой?

– Мой заместитель. На черном «Хаммере» прикатит, сразу увидишь. Только давай так: все – за городом. Где-нибудь на морском берегу и подальше от Магадана. Мне реклама не нужна. Думаю, и тебе тоже.

– Тут ты прав. Давай так... Знаешь, на восток от Магадана, километрах в сорока, на побережье есть корабельное кладбище. Вот давай там все и оформим. Согласен?

– Согласен. А во сколько?

– Утром, часов в десять. И смотри, твой заместитель должен быть один, чтобы никто лишний обо всем этом не узнал. Предупреди его, что, если ему покажется, что за ним следят, пусть позвонит мне и скажет. Тогда передоговоримся. Об этой сделке никто пока знать не должен.

– Да я понимаю, – изрядно повеселевшим голосом отозвался Туманов. Все-таки решение проблемы, пусть и не лучшим для него образом, изрядно приободрило толстяка. – Это же и в моих интересах. А лавэ мой человек тоже там получит?

– Именно, – подтвердил старик. – Если сам не приедешь, конечно. А если приедешь, то сам получишь.

– Понял. Ну что, тогда... – толстяк чуть не сказал «до свидания», но вовремя успел осознать, что свидание с этим человеком в его планы не входит, и неуклюже закончил:

– Счастливо...

– И тебе того же, – со смешком отозвался старик, и в трубке послышались короткие гудки.

Туманов еще несколько секунд сидел неподвижно, сжимая в кулаке онемевшую трубку, а потом аккуратно положил ее на телефон, но тут же снял снова и начал набирать какой-то номер.

– Хочешь, чтобы на тебя наезжали? – пробормотал он, цитируя недавнюю фразу своего собеседника. – Ну что ж, пусть будет по-твоему...

Туманов нажал последнюю кнопку и приготовился говорить.

Глава 5

– Плеснуть тебе, Колян?

– Нет, я пока тормозну. Сейчас вот доем, тогда еще сто грамм приму для пищеварения.

– Ну, как знаешь! А я еще накачу.

Филин взял вскрытую бутылку с водкой и плеснул себе в стакан грамм пятьдесят. Колыма понимающе смотрел на брата. Ясное дело, не успел еще привыкнуть к вольной жизни, сейчас ему и еда в три раза вкуснее кажется, и водка слаще. Он прекрасно понимал это состояние, самому не раз приходилось выходить на волю после долгой отсидки, и он отлично помнил, какой прекрасной кажется жизнь в первый месяц. Потом-то, конечно, привыкаешь.

Коля Колыма и Филин сидели на маленькой тесной кухоньке за накрытым выдавшей виды пестрой клеенкой столом и ужинали. Еда была простая, но сытная: вареная картошка, рыбные консервы, черный хлеб и колбаса. Ну и еще квашеная капуста – специально в качестве закуски к водке. Колыма поднял взгляд от тарелки и еще раз осмотрел кухню. Все-таки Филин был его младшим братом, и Колыма с детства привык приглядывать за тем, чтобы у того все было хорошо. Вот и сейчас, сунув кому надо на лапу, чтобы брату быстро и без проблем вернули однокомнатную квартиру, он на этом не успокоился – ему важно было знать, как младший устроился.

Теперь, осмотревшись, Колыма был вполне доволен. Конечно, обстановка довольно бедная, да и откуда другой-то взяться? Когда они первый раз сюда вместе с Сашкой приехали месяц назад, здесь вообще ничего не было, плиту с холодильником они вместе поставили. А сейчас вон и стол с табуретками появился, и посуда кое-какая, да и в холодильнике не пусто. И чисто везде! Молодец братан, гадюшник у себя дома не устраивает. А то некоторые как откинутся, так им все равно, где жить – один хрен лучше, чем на зоне.

«Надо бы ему денег еще подкинуть, – подумал Колыма, – а то ведь на зарплату могильщика ни поест, ни выпить, ни купить чего нельзя. Да и вообще, надо бы выяснить, как братан дальше жить думает. Не век же он будет могилы копать...»

Но тут его размышления были прерваны – Филин опять, уже в четвертый раз за вечер, закашлялся. Приступ был сильный, он продолжался минуты две, а потом, когда кашель наконец прошел и Филин оторвал руку ото рта, на ней была видна кровь.

– Опять?.. – сочувственно спросил Колыма.

Филин кивнул, встал из-за стола, подошел к раковине и сполоснул руку.

– Опять, – мрачно сказал он, возвращаясь на свое место. – Все из-за этого ШИЗО, из-за кума сусуманского, суки позорной. Так я после тех пятнадцати суток и кашляю, никак до конца эта дрянь не кончится.

Колыма кивнул, сочувственно и понимающе. Младший брат уже рассказал ему о том, как за месяц до откидки лагерный кум пытался его ссучить и как он провел пятнадцать суток в ШИЗО. Помочь он тут брату не мог ничем, ведь идти к врачам тот не хотел сам, рассчитывал, что кашель и так пройдет. «Интересно, а зачем куму понадобилось его за месяц до откидки вербовать? – мелькнуло у Колымы в голове. – Если ему стукач был в штрафняке нужен, то надо было брать кого-то из тех, кому не меньше года чалиться оставалось. А так если бы и завербовал он Сашку, тот через месяц все равно вышел бы. Непонятно. Надо будет это еще хорошенько обдумать».

– Надо было бы ему предъявить, – Филин злобно сжал татуированные кулаки. – Он, кстати, рапорт написал. Сейчас где-то тут, в Магадане. Если только на юга не подался.

– Нет, братан, тут ты не прав, – помотал головой Колыма. – На воле – вольные дела, в тюрьме – тюремные. А за тюремные дела с ментов на воле не спрашивают.

Филин ничего не ответил, только снова потянулся за бутылкой и набулькал себе в стакан еще на два пальца.

– Налить тебе? – спросил он брата.

– Давай, – кивнул Коля. Есть он больше не хотел, но чувствовал, что еще немного водочки не помешает.

Они выпили. Филин сидел, сложив на столе перед собой руки, лицо у него было мрачное. Видимо, лагерные воспоминания здорово давили на него. Колыма решил, что нужно перевести разговор на что-нибудь другое – на его будущую жизнь и планы, например. Все равно он об этом хотел с братом поговорить, так почему бы не сейчас?

– Ладно, Сашка, кисляка не мандячь, а? Ты лучше вот что скажи, как жить-то дальше собираешься? Всю жизнь на кладбище лопатой махать, что ли?

Лицо Филина немного прояснилось, воспоминания отступили.

– Есть тут один «пассажир», – начал он. – Я два года назад на Сусумане с ним сидел. «Пассажир» – натуральная дешевка, «маслокрад». Но филок у него выше крыши. И мне по жизни кое-что должен. – Голос Филина стал слегка загадочным, чувствовалось, что он что-то недоговаривает. – Я с ним после откидки уже встречался, и он мне конкретное дело предложил. Если выгорит – расходимся краями и никто никому не должен.

– И что за «пассажир»? Что за дело? – заинтересованно спросил Колыма, подумав про себя, что младшенький-то и сам молодец, и зря он его, наверное, за пацана держит. Но что тут поделаешь – привычка. Как в детстве ему помогал из рессоры первое перо вытачивать, так и сейчас поможет.

– Потом расскажу, – ответил Филин. – Когда с ним еще раз конкретно побазарю. Зачем метлой понапрасну махать? А у тебя что?

Колыма почувствовал, что брат не хочет пока говорить об этом своем «пассажире», поэтому и переводит разговор. Ну, в конце концов, его дело. В чем-то он и прав – если дело не сделано, то и нечего о нем говорить, удачу спугнуть можно. Решив так, Колыма охотно ответил на последний вопрос брата:

– С Батей по-прежнему кентуюсь. Золотой человек! Мы друг друга с полуслова понимаем. И он мне доверяет, и я ему.

– Рыжьем занимаетесь? – понимающе спросил Филин. Он, конечно, много слышал о Бате и его делах, но видел смотрящего только пару раз, мельком.

– Не только. Рыжье, ясное дело, главное, но и других дел хватает. Я тебя как раз думал к нам пристроить, но это если ты захочешь, конечно. Так-то я в твою жизнь не лезу, сам понимаешь. Да и дела у тебя вроде идут, ты говоришь.

– Ага, – кивнул Филин и зевнул. – Пока вроде да. Ну а если что сорвется, тогда к вам подамся, – он снова широко зевнул. – Ох, Колян, что-то я устал уже здорово...

– Да что тут удивительного, – кивнул Колыма. – Конец дня плюс водочка. К тому же еще и месяца не прошло, как после «пяtilеточки» откинулся.

– Ага... – голос Филина звучал уже совсем сонно. – Ладно, Колян, тогда я на боковую, а ты сиди еще сколько хочешь. А можешь на ночь остаться, место есть.

– Ну, давай! А я еще посижу маленько, – сказал Колыма.

Филин поднялся из-за стола, с усталым видом вышел из кухни, и через минуту в комнате заскрипел диван. Колыма немного посидел за столом, потом убрал грязную посуду в раковину и вылил в свой стакан остатки водки. В этот момент из кармана у него раздался громкий писк мобильного.

– Да? – сказал Колыма, поднося трубку к уху. – Слушаю.

– Здравствуй, Коля, – послышался в трубке голос Бати. – Ты где сейчас?

– Здравствуй, Батя. Я у брата.

– Ясно. А то я тебе домой звоню, а никто трубку не берет. Короче, Коля, нужно, чтобы ты завтра утром со мной за город съездил. Дело есть.

– Что за дело?

– Траулер «Алазань». Жирный наконец на продажу созрел. Ну, ты в курсах. Мои пацаны его дожали. Завтра стрелка, он человека пришлет. С документами. А взамен хочет рыжье получить. Чисто реальную стоимость.

– Ясно. Молодцы пацаны, что дожали, а то этот толстяк уже сколько ломался. Значит «Алазань» теперь наша. Отлично! А во сколько стрелка? И где?

– В десять утра около корабельного кладбища. Знаешь, где это?

– Корабельное кладбище? Что-то не помню. Знаю, что где-то рядом с Магаданом, а где именно, не в курсах.

– Ладно, не знаешь, так не знаешь. Я за тобой человека пришлю, он и довезет. Кстати, куда присылать-то? К тебе или к брату?

– Шли ко мне, – сказал Колыма после секундного раздумья. – Раз завтра дело, то нужно выспаться как следует, а у Филина толком и не на чем, он пока барахлом не разжился – диван да раскладушка.

– Ладно, к тебе пришлю. Он часам к девяти подъедет.

– Давай лучше к половине девятого, чтобы точно не опоздать.

– Лады. Ну тогда давай, Коля.

– Счастливо, Батя, – сказал Колыма и выключил мобилу. Так, теперь нужно скорее ехать домой, чтобы успеть выспаться.

Колыма пошел к выходу из квартиры. «Интересно, я брата не разбудил, когда разговаривал?» – подумал Колыма, проходя мимо комнаты. Он заглянул в открытую дверь. Филин лежал на диване, дыхание его было ровным. «Ладно, – подумал Коля, – даже если он про стрелку и слышал, болтать попусту не будет, чай, не маленький». Он подошел к спящему брату, заботливо укрыл его одеялом, потом тихо вышел из комнаты, а через минуту уже оказался за дверью квартиры.

Глава 6

Утро выдалось холодное и ветреное. Сильный холодный ветер дул с моря, поднимая на воде пенные барашки и бросая волны на каменистый берег. Вода накатывала на серые камни, разбивалась об них и с тихим шипением откатывалась обратно в море, оставляя на берегу клочья белой пены. В воздухе над небольшой бухтой висела тишина, если не считать криков чаек и сильного всплеска волн под порывом ветра.

Но кроме этих естественных, природных звуков разносился над бухтой и еще один, куда менее приятный: лязганье железа по железу. Наполовину оторвавшийся кусок обшивки старой баржи, лежавшей на мелководье, качался под порывами ветра и колотился о борт. Эта бухта последние лет двадцать служила кладбищем списанных кораблей, и кроме этой баржи здесь их было немало. Чуть правее и ближе к берегу стоял, до середины борта погружившись в воду, сторожевой катер со снятым вооружением. Покосившиеся антенны нависали над ободранном носом с нечитаемым номером и разбитым якорным клюзом, а пустые пулеметные прорези в кабинах стрелков были похожи на глазницы старого черепа. Левее баржи находился полуза-топленный рыболовецкий сейнер с выбитым остеклением рубки. Торчащие по краям осколки стекла выглядели одновременно жалко и вызывающе, словно редкие зубы старого хищника. Между баржой и сейнером виднелся нос дизельной подводной лодки с ободранной обшивкой и облупившейся красной звездой. Когда-то грозная субмарина теперь выглядела жалко – как, впрочем, и любой труп, неважно, машины или живого существа.

Рядом с кладбищем, тоже частично уходя в воду, была старая свалка, над которой постоянно кружились тучи жирных чаек. Возле свалки стоял бетонный куб с выбитыми окнами и наполовину разобранной крышей – все, что осталось от метеорологической станции. В целом зрелище было совершенно удручающее, невольно наводящее на горькие мысли о том, что, наверное, человек в принципе способен изгадить все, до чего только дотронется. Зимой, когда кладбище и свалку засыпало снегом, они смотрелись не так удручающе, но сейчас снега было еще немного, а тот, что уже успел выпасть, ветер сметал с сопки в низину.

Впрочем, нагонять плохое настроение тут было не на кого. Располагалось корабельное кладбище в сорока километрах от Магадана, и люди сюда практически никогда не заходили, разве что надеясь найти тут что-нибудь полезное в хозяйстве. Но поскольку со старых кораблей уже и так было снято все мало-мальски ценное, то и такие охотники находились очень редко. Вот и сейчас на берегу бухты было совершенно безлюдно. Со стороны суши к свалке и кладбищу подходила только одна обледевшая, замерзшая дорога. Списанные корабли к кладбищу подвозили с моря, и поэтому никто не ездил по дороге уже год, а может, и больше. Однако сегодня, кажется, это правило было нарушено.

Вдалеке показались два черных пятнышка – одно побольше, другое поменьше, – медленно ползущих по направлению к бухте. Это были две машины: впереди ехал здоровенный японский внедорожник, а за ним микроавтобус с тонированными стеклами. Они протряслись по заледеневшим буграм дороги и, подъехав к берегу залива, остановились.

Передняя дверца внедорожника негромко хлопнула, открываясь, и из машины вышел невысокий сухощавый старик с золотой фиксой во рту и густо татуированными пальцами. С первого взгляда было видно, что это очень опасный человек. Движения его были легкими и плавными, несмотря на то что ему явно перевалило за шестьдесят. Кожа на лице была темная, расцеченная глубокими морщинами. Во взгляде старика, которым он окинул бухту, были заметны железная воля, жестокость и мощный ум, в общем, это был человек, привыкший повелевать. Лидер колымской группировки блатных Вячеслав Сестринский, он же Батя, был одним из самых известных в России воров в законе, смотрящим по Магаданской области.

Батя поднял воротник длинного черного пальто и, прищурившись, посмотрел на дорогу, по которой сам только что приехал. В это время дверца внедорожника снова хлопнула, и из него показался Коля Колыма. Он подошел к Бате и молча встал рядом с ним, чуть сзади и слева.

– Не видно пока?..

– Нет, – коротко ответил смотрящий. – Ну так ведь еще и рано.

Тем временем из микроавтобуса вывалились несколько плотных парней в кожаных куртках. Они быстро рассеялись по берегу и осмотрели бухту. В их спокойных, несуетливых движениях чувствовался профессионализм и давняя привычка работать единой слаженной командой. Охране смотрящего позавидовали бы иные депутаты Государственной Думы или министры. Через несколько минут охранники закончили проверку местности и заняли места вокруг будущего места стрелки, полукольцом закрывая Батю и Колыму со всех сторон, кроме той, с которой они только что приехали и с которой должен был появиться человек от Жирного.

Стоявший за плечом у смотрящего Колыма одобрительно кивнул. Молодцы парни, хорошо работают.

Колыма всмотрелся в теряющуюся на горизонте линию дороги. Нет, пока не видно никого.

– Не торопится Жирный, – негромко сказал он.

– А куда ему торопиться? – хмыкнул в ответ Батя. – Десяти еще нет, он в своем праве. Вот если опоздает, тогда я, пожалуй, обижусь.

Колыма усмехнулся. Он прекрасно знал, что те, на кого обижался смотрящий, обычно долго не живут.

– Слушай, Батя, а зачем ты вообще это затеял? – спросил Колыма. Этот вопрос интересовал его уже давно, да все никак не выдавалось подходящего момента, чтобы спросить.

– Что это? – смотрящий повернулся к Колыме и слегка приподнял брови.

– Ну, все это дело с Жирным и «Алазанью». Ловил бы он себе спокойно рыбку, нам бы процент отстегивал. А сами бы рыжьем занимались, как и раньше.

Батя вздохнул.

– Понимаешь, настало время вынуть лавэ из рыжья и переложить его в рыбу. Есть у меня один пацанчик, грамотный экономист. Сам понимаешь, в наше время без таких нельзя. Ну так вот, этот парень мне и посчитал: каждый вложенный в рыжье бакс дает три бакса навару, а каждый бакс, вложенный в рыбу, – десятку. А «Алазань» – лучший траулер в Охотском море, он десятка обычных стоит. Это не корабль, а целый комбинат – переработка, заморозка и расфасовка рыбы прямо на месте. Хорошую машину япошки придумали, ничего не скажешь. Так что получим «Алазань», фирму Жирного и оформим рыболовное предприятие.

– А сама фирма нам его зачем? Купили бы корабль, и дело с концом.

– Не с концом. Главное – даже не судно, хоть оно и хорошее. Главное – квоты. А у фирмы, где «Алазань» подвешена, квоты есть. Научные. Так что имеет смысл корабль вместе с фирмой брать. К нам тогда вместе с кораблем и команда перейдет с капитаном, и квоты.

– Научные квоты – это да! Это круто! – понимающе кивнул Колыма. Сам он когда-то, еще до начала своей уголовной карьеры, плавал на китобое и о морских делах знал не понаслышке. – А сколько ты заплатишь за все это обещал?

– По бумажкам мизер заплатим, – ответил смотрящий. – А реально два центнера рыжья. Ну да оно того стоит. Жирный сам за него полтора лимона баксов япошкам отвалил, как раз двести кило получается, если на рыжье перевести.

– Интересно, а как Жирный собрался рыжье в бабки переводить? – спросил Колыма.

– А это уж не мое дело. Мало ли способов. У нас одни, он, может, другие найдет, – ответил Батя. – Он сам хотел, чтобы я с ним рыжьем рассчитался, на нем ни серий, ни номеров, фиг проследишь.

– А мы кому рыбу толкать будем? Это ведь тоже дело непростое.

– Не волнуйся, Колян, там процедура наработанная. Ловим в наших водах, по нашим лицензиям, а потом там же в море с япошками или южнокорейцами встречаемся и меняем рыбу и крабов на бабки. Сами-то они в наши воды не суются, а так все путем – и им выгода, и нам. Хотя я не весь улов им отдавать собираюсь. Мы с «Алазанью» все колымские зоны крабами завалим и трепангом! Пусть братва порадуетса!

Колыма кивнул. Именно это ему всегда и нравилось в Бате – тот умел грести не только под себя, о братве всегда помнил.

– Пацаны и минтаю обрадуются, – сказал он.

– Да уж, любимое блюдо братвы – спинка мента, – скалambuрил Батя.

Они немного помолчали, глядя на пустую дорогу.

– А ты уверен, что тебя не кинут? – снова нарушил тишину Коля Колыма.

– Кого? Меня-я-я? – искренне удивился смотрящий. – Ты что, Колян! Жирный не самоубийца! И не совсем идиот! В Магадане каждая собака знает, кто я такой!

Он ухмыльнулся и после секундной паузы добавил:

– Да я сам кого хочешь кину!

Колыма кивнул и посмотрел на часы.

– Пахан, уже почти десять, а дорога пустая. Может, он передумал?

– Приедет, никуда не денется. Вернее, не он приедет, а человек от него, Жирный так говорил.

– А почему он не сам приезжает, а посылает вместо себя кого-то? – удивленно спросил Колыма.

– Менжуется, – со смешком ответил смотрящий. – Пацаны прессанули его очень конкретно. Он-то знает, что я его посудину и просто так отобрать могу. Но не буду – зачем человека в угол загонять? – Бате было не отказать в логике. – А может, он просто светиться не хочет, – продолжил он. – Ты ведь сам бывший мореман, должен понимать, какое лавэ теперь в рыбе крутится. Но это, в общем, его проблемы. Я одно знаю: если сам появится – будет один разговор. Если человека вместо себя пришлет – другой. А вообще, есть тут одна мутка...

– Что за мутка?

– Непонятно, за какие филки Жирный в свое время «Алазань» купил. Полтора лимона баксов – деньги нехилые. А ты еще сюда прибавь за оформление фирмы, за наем команды... Да и квоты ему не бесплатно достались. Кстати, с квотами особый разговор. Их просто за деньги не очень-то и достанешь, связи нужны, причем нехилые, у самого Жирного таких нет. Вот и суди сам – бабок у него таких крутых не было, связей тоже, а и траулер, и фирма, и квоты откуда-то появились. За Жирным наверняка кто-то стоит. И притом нехилый. Знать бы кто...

Колыма хотел ответить, но не успел, его острый взгляд заметил появившееся на горизонте пятнышко.

– Кажись, едет, пахан, – сказал Колыма. – Смотри...

– Ага, – кивнул смотрящий. – Я ж говорил, что никуда не денется.

Через несколько минут в двадцати шагах от них затормозил большой черный джип «Хаммер». Батя смерил его взглядом и покосился в сторону своего внедорожника, в багажнике которого лежали кожаные мешки с рыжем, предназначенные Жирному.

– Ну что ж, теперь поговорим, – сказал смотрящий, глядя на «Хаммер».

Глава 7

Здание НИИ рыболовства располагалось в самом центре Магадана, в пятиэтажном доме сталинской постройки, с высокими потолками и лепниной под крышей. Когда-то этот институт создавался для того, чтобы стать самым крупным в СССР, а может быть, и в мире центром, занимающимся проблемами, связанными с рыболовством. Да и не только с ним, а и вообще с морем и морепродуктами. Кстати говоря, на некоторое время таким центром он и стал, полностью оправдав возложенные на него надежды и вложенные средства. Но в последние годы, как и большинство научных учреждений в стране, НИИ захирел.

Государственное финансирование все сокращалось и сокращалось, а когда наконец его перестало хватать не то что на занятия серьезной наукой, а даже на небольшую зарплату сотрудникам, руководство института прибегло к крайней мере – оно стало сдавать помещения в аренду всевозможным частным фирмам и фирмочкам. Результат получился впечатляющим – вестибюль института буквально пестрел объявлениями типа «Косметический салон „Анастасия“ – кабинет номер 212» или «Магадан-Риэлт – третий этаж, комнаты 311, 313 и 315». Фирмы снимали помещения охотно. Брало руководство института относительно недорого, а офис в центре города – вещь очень нужная.

Среди многочисленных объявлений, украшавших собой стены первого этажа, затесалось и такое: «Фирма Сэлтон – кабинет 510». Больше на табличке не было написано ничего, и ходившим мимо посетителям оставалось только догадываться, чем эта загадочная фирма, совсем недавно снявшая здесь офис, занимается. Комната, кстати сказать, была не вполне обычная. У института давно кончились нормальные кабинеты, и теперь он отчаянно пускался во все тяжкие. Например, этот самый кабинет 510 был запасником музея моря. Там хранились экспонаты, не вошедшие в основную экспозицию, и дирекция с ужасом ждала, когда же наконец новоявленный хозяин кабинета потребует освободить арендуемую им площадь от чучел камчатских крабов, глубоководных рыб и прочих морских чудищ, которых тогда девать будет уже совсем некуда. Хоть по домам разноси или на помойку выбрасывай.

Однако арендатор не спешил. Валерий Игоревич Туманов, владелец фирмы «Сэлтон», считал, что вся эта морская экзотика пойдет ему только на пользу. В конце концов, раз фирма рыболовецкая, то и офис должен выглядеть соответственно. Пусть посетители думают, что всех этих морских тварей они сами наловили, уважать больше будут. На крабах же не написано, что они собственность института! Так что дирекция и зоологи волновались напрасно – обращался с чучелами Туманов бережно.

Сейчас Валерий Игоревич сидел за своим столом. Следов вчерашнего избиения на нем почти не осталось. Только синяк под глазом напоминал о пережитом, да еще, пожалуй, была немного неестественна поза – бок все еще болел. За спиной у Туманова на полстены висела карта Охотского моря, тоже оставшаяся в наследство от предыдущих хозяев комнаты. Ее Туманов снимать тем более не собирался, а если бы и попытались забрать, то еще и заплатил бы, чтобы оставили ему ради имиджа.

Впрочем, судя по всему, сейчас владельца «Сэлтона» имидж фирмы интересовал мало. Он явно не находил себе места, вертаться в мягком, удобном директорском кресле так, словно из него торчали колючки. Туманов то брался за ручку, то снова откладывал ее и привставал, как будто собираясь куда-то идти, то снова решительно садился в кресло и хватал лежащие на столе бумаги, но, не успев прочитать и трех предложений, раздраженно отпихивал их, снова хватал ручку и начинал малевать в лежавшем на столе ежедневнике какие-то бессмысленные узоры. Взгляд директора метался по всему кабинету, но постоянно возвращался к одному предмету, явно притягивавшему его, как магнит железо. Этим предметом был скромно лежащий на краю

стола мобильный телефон. Туманов уже третий раз за последние полчаса решительно протянул к нему руку, но, так и не дотронувшись, отдернул, словно боясь обжечься.

– Нельзя, нельзя, – словно уговаривая, сказал он сам себе. – Нужно ждать, пока сам позвонит.

Он снова схватился за ручку, но писать ничего не стал, обвел взглядом кабинет. «Пере-крус-та-це-а», – по слогам прочитал он написанное латинскими буквами название какой-то таблицы, висевшей на дальней стене. «Интересно, что это за хрень такая? – подумал Туманов, стараясь отвлечься. – Ага, вон снизу по-русски написано: „Креветки“.

Как всегда, когда чего-то очень сильно ждешь, время тянется невыносимо медленно. Промучавшись еще минут пятнадцать, Туманов не выдержал. Он вылез из-за своего стола, подошел к двери и выглянул в приемную, которая раньше была небольшой лабораторией.

– Мне никто не звонил? – отрывисто спросил он сидевшего за столом парня с мощными плечами атлета и значительным лицом мелкого чиновника. Этот парень был его секретарем, а кроме того исполнял обязанности телохранителя и доверенного лица.

– Нет, – покачал головой парень. – А что, должны?

– Да нет, это я так, – махнул рукой Туманов и снова скрылся в своем кабинете. Он прекрасно понимал, что спрашивать секретаря глупо: тот, чьего звонка он ждал, мог позвонить ему только на мобильный, но у него уже не было сил ждать в бездействии, когда где-то решается его судьба.

Туманов снова сел за стол и взялся за какой-то листок, но в этот момент лежащий на столе мобильник наконец запищал. Туманов зачем-то вскочил с места, схватил телефон и рывком поднес его к уху:

– Ну что?! – выдохнул он в трубку.

– Подъезжаю...

– Как решится – сразу звони!

– Ясное дело.

В трубке послышались короткие гудки. Туманов нажал «отбой» и тяжело опустился в кресло. Подъезжает... Значит, до следующего звонка как минимум тридцать минут. Еще полчаса мучений... Эх, ну неужели он больше не может сделать ничего полезного?! Хотя... С минуту он размышлял, поглаживая подбородок, а потом, видимо приняв решение, снова взял телефон и стал набирать какой-то номер.

Глава 8

Филин сидел на диване и бездумно смотрел на экран небольшого телевизора. Сейчас по выбранному им каналу передавали программу новостей, и солидного вида корреспондент расспрашивал о чем-то еще более солидного депутата Государственной Думы. Любой хорошо знающий Филина человек при виде этой картины изрядно удивился бы. Вот уж чем Филин точно никогда не интересовался, так это большой политикой. Впрочем, он и сейчас не изменил своему вкусу. Новости его не интересовали абсолютно, ему просто нужно было чем-то занять время, и телевизор помогал в этом. Филин чего-то ждал, но, в отличие от большинства людей, умел делать это спокойно и хладнокровно. Это было следствием многочисленных отсидок – вот уж чему точно учит зона, так это ждать.

Постепенно глаза Филина стали закрываться, и он задремал. За ночь он выпался плохо, дважды просыпался от сильной боли в груди и приступов кашля, после каждого приступа приходилось долго отхаркивать кровь. ШИЗО сусуманского штрафняка до сих пор напоминал о себе. Так что сейчас под монотонное, убаюкивающее бормотание телевизора блатной начал засыпать, однако сон его был неглубоким и очень чутким, как у пуганого дикого зверя.

Он успел подремать минут двадцать, когда раздался звонок мобильного телефона. Филин мгновенно открыл глаза. Просыпался он тоже как зверь, мгновенно и полностью, без долгого перехода от сна к яви.

Филин встал с дивана, прошел в угол комнаты, где на стуле висела его куртка, вынул из внутреннего кармана пищавший мобильник и неторопливым движением поднес его к уху.

– Да?

Минут пять Филин стоял молча, с каменным лицом, внимательно слушая то, что говорил ему неизвестный собеседник. Потом переспросил:

– Говоришь, тоннель по дороге? Понятно. А сколько их будет? Ну да, служил я когда-то в морпехе старшиной, кое-что помню... Говоришь, черный «Хаммер»? Да я понимаю, что и сопливый пацан справится. Точно он? А потом что? Как и договаривались? Хорошо. И не вздумай переиграть – пожалеешь! Ну и ништяк. Вот тогда и разойдемся краями... И тебе того же. – Филин нажал отбой и спрятал телефон обратно в карман куртки. После этого начал быстро, но несуетливо собираться. Надел теплые зимние брюки, черную фланелевую рубашку, шерстяные носки. Сверху накинул кожаную куртку, а шею обмотал шерстяным шарфом – последнее время Филину приходилось очень внимательно следить за горлом. Он вышел в маленькую прихожую квартиры, обулся, снял с висящего на стене гвоздя большую связку ключей, положил ее в карман и уже собрался выходить, как его снова согнул приступ кровавого кашля. Несколько минут он кашлял и никак не мог остановиться. Потом, когда приступ наконец ослабел, Филин распрямил согнутую спину и прошел в ванную. Там он ополоснул лицо и начисто вымыл руки.

– Да... – негромко, сквозь зубы сказал блатной, глядя на розовую воду, окрашенную его кровью, быстро убегающую в слив. – Укатали сивку крутые горки... Ох, кум, сучара, встречусь я еще с тобой...

«Когда же эта дрянь кончится, – думал он, выходя из квартиры. – Ладно сейчас, а если в какой неподходящий момент так закашляться? Ведь жизни может такой приступ стоить!» Но поделаться было ничего нельзя, и, скрипнув зубами, Филин постарался больше не думать об этом. Как и многие блатные, он был фаталистом и долго думать о будущем не любил.

Филин сбежал по лестнице и вышел из подъезда. Несколько секунд он стоял, просто вдыхая свежий воздух, а потом быстрым шагом двинулся по направлению к гаражам, стоявшим в дальнем углу двора. Один из этих гаражей принадлежал ему, и теперь в нем стояла полученная от старшего брата белая «Тойота». Впрочем, и кроме «Тойоты» там было кое-что ценное.

Открыв ворота гаража, Филин сразу сел в машину и выкатил ее на улицу, но не совсем, а так, чтобы задний бампер оставался внутри и был прикрыт стенами гаража и его распахнутыми воротами. Вообще-то вокруг не было ни души, и прятаться было не от кого, но Филин был осторожен и всегда считал, что лишняя подстраховка не повредит. Он вернулся в гараж и открыл люк в полу, ведущий в глубокий погреб. В большинстве гаражей в таких погребах хранятся всевозможные запасы, но у Филина здесь пока было пусто. Вернее, не совсем пусто. Филин прихватил с собой лопату и стал спускаться вниз. Добравшись до середины лестницы, он закрыл за собой люк. Теперь погреб освещала только висящая под потолком на скрученном проводе тусклая лампочка. Но Филину этого света хватало. Он встал на колени, внимательно осмотрел земляной пол, а потом, ориентируясь по каким-то только ему видимым признакам, вонзил лопату в землю.

После того как он углубился примерно на штык, лопата неожиданно наткнулась на что-то твердое.

– Ага, порядок, все на месте, – пробормотал себе под нос Филин и принялся работать с удвоенной силой.

Через несколько минут он вынул из земли длинный железный ящик, обернутый давно сгнившей тряпкой. По ней да и по успевшим изрядно проржаветь стенкам ящика было видно, что пролежал он в земле не один год, а значит, спрятал Филин его здесь еще до своей последней отсидки. Филин открыл ящик и достал из него огромный сверток, заботливо обернутый промасленной материей. Размотав все слои, блатной довольно улыбнулся. Перед ним лежали армейский гранатомет «РПГ-7», несколько гранат к нему, автомат Калашникова и подсумки с рожками. Блатной внимательно и профессионально осмотрел оружие и убедился, что долгое хранение под землей ему не повредило. Если хорошо упаковать, то и дольше пролежит.

Закончив осмотр, Филин вытащил оружие наверх и в несколько приемов погрузил все в багажник «Тойоты». Делая это, он несколько раз осторожно выглядывал из гаража. Если бы кто-нибудь сейчас увидел, чем он занимается, и стукнул ментам, то законопатить его еще лет на пять было бы раз плюнуть. Но никаких свидетелей, кажется, не было. Филин закрыл багажник, потом снова спустился вниз и замаскировал опустевший тайник. Закончив с этим, он тщательно вытер руки какой-то ветошью, окончательно выкатил из гаража «Тойоту», потом запер гараж и сел в машину. Через минуту ее задний бампер мелькнул на выезде со двора.

Две сидевшие на лавочке возле первого подъезда старухи неодобрительно посмотрели ему вслед.

– Ездит, – прошамкала одна из них. – Из тюрьмы месяц как вышел, а уже ездит, машина у него. У меня сын за всю жизнь на машину не накопил, а этот ездит.

– У тебя сын алкаш, – ответила вторая бабка. – Вот и не накопил. А этот, – она кивнула вслед уехавшей «Тойоте», – все равно недолго проедет. Либо прибудут его, либо снова сядет.

Первая молчаливо согласилась с вердиктом подруги, и старушки снова замолчали, ожидая еще какого-нибудь события.

Глава 9

Колыма внимательно смотрел на остановившийся «Хаммер». Так, стекла не тонированные, все прекрасно видно. В джипе один человек. Конечно, может еще оказаться кто-то на заднем сиденье, если он пригнулся или лег, то его можно не заметить. Но вряд ли – смысла нет.

– Один приехал, – негромко сказал Колыма. – Не боится.

– Не в том дело, – так же негромко ответил Батя. – Это, кстати, не Жирный, так что бояться-то он боится. Просто они не дураки. Прекрасно понимают, что тут им и взвод телохранителей не поможет. Если бы я хотел до толстяка добраться, то уже добрался бы. И до него, и до «Алазани». Вот и пытаются в доверие поиграть.

Стоявшие поодаль охранники смотрящего тоже сразу заметили, что в черном джипе приехал всего один человек, и слегка расслабились.

Тем временем дверца «Хаммера» открылась, и из него вылез немолодой вальяжный мужчина в длинном дорогом пальто. Он был невысок, на круглом, сдобном лице темнели небольшие ухоженные усики, подбородок украшала франтоватая бородка клинышком, а круглое брюшко было хорошо заметно даже под пальто. Он напоминал какого-нибудь советского актера, играющего роль барина дореволюционных времен. Именно так – не самого барина, а играющего его актера. Слишком нарочиты были его барственные замашки, слишком отточены и продуманы жесты. Барину не хватало легкой небрежности, той самой, которой не научишься и которая служит отличительным признаком по-настоящему серьезных людей, а не тех, кто пытается под них косить. Барин шагнул от машины и небрежным движением поднял руку с брелком. Тут же раздался негромкий писк сигнализации, но спустя секунду мужчина, словно спохватившись, снова поднял руку и сигнализацию выключил. Все эти движения производили впечатление заранее отрепетированных. Обратите внимание на мою крутую тачку, значили они.

– Рисуеться, – сказал Колыма. – Дешевка.

Вышедший из «Хаммера» мужчина издали кивнул Бате и Колыме и двинулся к ним. На полпути он приостановился, вытащил из кармана зуммерящий мобильник и небрежно бросил в него:

– На сегодня забит. Кинь «стрелу» на завтра. Нет, на вечер, днем я с губернатором обедаю.

Он сделал еще несколько шагов к спокойно ожидающим его блатным, но тут мобильник, который он даже не успел еще спрятать в карман, снова запищал.

– Алюминий? В чушках? Сто сорок тонн? – таким же небрежным голосом переспросил заместитель Жирного. – Прикинь, сколько это по курсу Лондонской биржи, и сбрасывайся. Откат в пополаме, как обычно.

– И правда дешевка, прав ты, Коля, – сказал смотрящий, чуть повернувшись к Колыме и даже не слишком заботясь о том, чтобы подходящий барин его не услышал. Впрочем, тот, даже если и расслышал бы, виду ни за что бы не показал.

Колыма кивнул. Психологический портрет приехавшего на переговоры типа был ему абсолютно ясен, сколько он уже за последние годы на таких насмотрелся. Мелкая пешка, изображающая из себя крутого коммерсанта, которая чем больше пыжится, тем смешнее выглядит. За серьезных людей таких никто не держит. «А ведь прав Батя, – подумал Колыма. – За ними обязательно должен кто-то стоять. У таких, как этот, не может быть полутора лимонов баксов на покупку суперсовременного траулера и связей, чтобы пробить в Госкомрыболовстве научные квоты. Что-то тут нечисто...»

В это время скороспелый барин наконец подошел к Бате и протянул ему руку.

– Здравствуй... – он явно хотел ограничиться этим, но под холодным и ироничным взглядом смотрящего закончил слово: – Здравствуйте. Меня Валерий Туманов прислал, я его заместитель. Голубев Дмитрий меня зовут.

Батя сделал секундную паузу, во время которой протянутая рука Голубева Дмитрия неловко висела в воздухе. Потом протянул свою густо татуированную кисть, пожал Голубеву руку и негромко сказал:

– Ну, здравствуй, Дима... А я Батя, вор российский. Слыхал о таком?

– Конечно-конечно, – с улыбкой ответил Голубев. – Вы простите, что я опоздал, дела...

– А ты не опоздал. Опоздал бы – с тобой другой был бы разговор.

– А... Ну да... – немного растерянно проговорил Голубев. – Это правильно... Точность – вежливость королей, да? – он сам засмеялся своей шутке, но тут же затих, видя, что его никто не поддерживает.

Пока смотрящий ставил коммерсанта на место, Коля Колыма внимательно приглядывался к нему. Его не оставляло ощущение, что лицо Голубева ему знакомо. То ли он его где-то видел, то ли просто похож на кого-то. И никак не вспомнить, где мог видеть и при каких обстоятельствах. Колыма наморщил лоб и еще раз внимательно осмотрел румяное лицо бывшего. Точно, кого-то он ему напоминает... Кроме этого чувства Колыму заставила немного насторожиться одна деталь: он чувствовал в поведении этого человека едва уловимую фальшь. Он не мог точно определить, в чем она заключается, но в том, что она есть, был почти уверен. Коля Колыма привык доверять своему чутью.

– Ты все документы привез? – спросил тем временем смотрящий, не обращая внимания на попытки собеседника пошутить и вообще вести себя с ним на равных.

– Конечно, – торопливо ответил тот. – Все там, – он махнул рукой в сторону своего «Хаммера». – Пойдем... те, я вам все документы покажу, и уладим все формальности с продажей.

Батя неторопливо кивнул и спокойно пошел к джипу вслед за постоянно оглядывающимся на него Голубевым. Подбежав к своей машине, тот предупредительно открыл перед смотрящим переднюю дверцу. Батя поморщился. Он не любил, когда ему шестерили, тем более не по делу.

Устроившись в кресле, он поднял на Голубева тяжелый взгляд и сказал:

– Ну, давай свои бумаги!

Барин засуетился. Он как-то странно зашарил руками перед собой, потом обернулся, потянулся к заднему сиденью, где лежал черный дипломат, но, так и не прикоснувшись к нему, снова повернулся к смотрящему. Не поднимая глаз, спросил:

– А вы это... Чем расплачиваться будете?

– Как и договаривались – рыжьем, – со степенным достоинством ответил Батя.

– А у те... А у вас все на месте? Прямо здесь золото можно получить? Не кинете? – Голубев явно нервничал, глаза у него бегали, а руки все время дергались, не находя себе места.

«Дерганный какой, – подумал смотрящий. – Эх, тоже мне, бизнесмен...»

– А зачем я сюда, по-твоему, приехал? – брезгливо процедил он. – Зачем мне понапрасну метлой махать? Конечно, все здесь. Или ты Бате не веришь?

– Да нет, верю, – замахал руками Голубев, но смотрящий, не обращая на него внимания, высунулся из машины и махнул рукой Коле Колыме.

– Колян! Тащите сюда мешки!

Колыма кивнул, позвал трех охранников, и они вытащили из багажника машины смотрящего четыре кожаных мешка. Мешки были относительно небольшого размера, но явно очень тяжелые – здоровенные мужики тащили их с трудом.

– Куда сгружать? – спросил Колыма, подойдя к «Хаммеру».

– Прямо на заднее сиденье кидай, – распорядился Батя.

Все четыре мешка были свалены на заднее сиденье, и «Хаммер» ощутимо просел под их тяжестью. Голубев еле успел выхватить оттуда свой дипломат.

– Все здесь, – сказал смотрящий, кивнув на мешки. – В каждом мешке по пятьдесят килограммов, я свое слово держу. А ты имей в виду, хотел бы я за бесплатно «Алазань» у твоего хозяина отобрать – отобрал бы. Ваше счастье, что не люблю я людей в угол загонять. Ладно, давай беседовать. Мое рыжее против твоих бумаг. А вообще-то жалко, что Валера не сам приехал, а тебя прислал. Я ведь ему два раза сказал, что с ним самим хотел бы поговорить. Ладно, доставай документы.

Голубев с готовностью открыл дипломат и вытащил оттуда огромную папку, битком набитую документами.

– Смотри, – сказал он деловым голосом. – Вот гендоверенность, дальше бумаги из Госкомрыболовства. Так, а тут бумаги из Судового реестра, страховки, техпаспорт на «Алазань»...

Батя сунул руку во внутренний карман пальто и вытащил очки. Последнее время зрение у него здорово ухудшилось, что делать, возраст есть возраст, против него не повоюешь. Батя положил раскрытую папку себе на колени и принялся внимательно изучать документы.

И когда его внимание полностью поглотили бумаги, Голубев плавным, незаметным движением опустил руку в карман пальто...

Глава 10

Через две секунды после того, как рука Голубева скрылась в кармане пальто, со стороны свалки, располагавшейся возле заброшенной метеорологической станции, раздался громкий ухающий звук, такой, какой бывает при выстреле из гранатомета. На этот звук охрана Бати среагировать не успела, спустя мгновение раздалось два взрыва, следовавших друг за другом так быстро, что словно слились в один.

Микроавтобус, в котором сюда приехали охранники смотрящего, вспыхнул. Взрывная волна бросила стоявших вокруг людей на землю, а мгновение спустя со стороны свалки раздался грохот автоматной очереди. Стрелявший явно не жалел патронов. С Батей, не считая Колымы, приехали восемь человек охраны. Из них двое – водитель и начальник охраны – оставались в микроавтобусе, а остальные шестеро боевиков заняли места вокруг места стрелки, взяв ее в полукольцо со стороны моря и свалки. Те двое, что были в микроавтобусе, погибли мгновенно, не успев даже понять, что происходит. Остальные охранники, сбитые ударной волной, боеспособности не потеряли и сумели быстро сориентироваться. Они залегли между камнями и тут же открыли огонь по свалке и метеорологической станции.

Правда, одному из шестерки, тому, кто стоял к свалке ближе всех, не повезло сразу. В этом месте не оказалось нормального укрытия, и для неизвестного стрелка он был прекрасной мишенью. Однако оглушенный взрывной волной парень все же решил не сдаваться без боя. Когда в полушаге от него каменистую землю вспорола длинная очередь, он мгновенно понял, что залегать без толку, укрыться ему нигде и он не видит противника, а тому нужно только лучше прицелиться. И он принял рискованное, но не безнадежное решение – вскочил на ноги и со всех сил рванул к метеостанции, на ходу стреляя по окнам из своего «ТТ». Расчет был на то, что автоматчик не успеет среагировать или испугается шальной пули и не сможет срезать его на открытом пространстве. А если удастся добежать до станции, то он окажется в мертвой зоне, и тогда уже у него будет выгодная позиция.

Рискованный план мог бы удалиться. Когда парень рванул с места, стрелявший со станции и правда растерялся. Его первая очередь прошла значительно левее, но, когда до спасительной стенки оставались уже считанные шаги и охранник поверил в победу, его правая нога зацепилась о какую-то торчавшую из земли железку. Он взмахнул руками, пошатнулся и чуть не упал, все-таки сумев восстановить равновесие. Но было уже поздно. За эти секунды задержки автоматчик успел сориентироваться и прицелиться. Скупая очередь из трех пуль прошла грудь боевика и отшвырнула его на несколько шагов назад.

Все это заняло считанные секунды. Остальные охранники дернуться не успели, да, впрочем, если бы и успели, то не стали бы. Им до свалки было бежать куда дальше, и без прикрытия шансов не было. Они сделали ставку на другой вариант – начали планомерно обстреливать метеобудку. За прошедшие мгновения они успели определить, откуда стреляет автоматчик, и теперь не давали ему высунуть носа. Обстрел был поставлен грамотно и профессионально. Оставшиеся в живых пятеро охранников не стреляли одновременно, чтобы не оказаться всем вместе с разряженным оружием, и пули постоянно чиркали по раме окна, из которого велся автоматный огонь.

– Женек, Сало, прижмите его покрепче, прикройте меня, – крикнул лежавший у кромки моря светловолосый охранник в короткой кожаной куртке. Огонь по будке на секунду усилился, и кричавший вскочил, пробежал несколько метров и залег за здоровенным валуном. Теперь от свалки его отделяло метров двадцать.

– Двигаемся перебежками, под прикрытием, – крикнул он. – Зря не рисковать! И аккуратно возьмем эту суку тепленьким! Корявый, жми теперь ты, прикрываю! – он высунулся из-за валуна и выпустил четыре пули в оконный проем.

В ответ прогреготала длинная очередь, но чувствовалось, что стреляют нецельно, боясь высунуться. Второй из охранников за это время успел пробежать метров десять и залег за небольшим холмиком, подходя к свалке и станции с другой стороны. Залегший за валуном светловолосый парень, сделавший перебежку первым, не высовываясь из укрытия, выпустил еще две пули и быстро перезарядил пистолет. Затем он снова высунулся из-за валуна, готовясь стрелять прицельно, прикрывая следующий рывок кого-то из своих, но в этот момент другое окно метеостанции озарилось вспышками, и противно взвизгнувшая в воздухе пуля врезалась в камень в нескольких сантиметрах от лица парня.

– Мать вашу! – выдохнул он, отдергивая голову. – Братва! Он там не один! Смотрите за вторым окном слева!

– Прокоша, ты цел?! – донеслось до него сзади.

– Цел! – отозвался он, ощупывая лицо. Ладонь наткнулось на что-то теплое и липкое. Щека была в крови, но, как через несколько секунд понял Прокоша, задело его не пулей, а отлетевшей от валуна острой каменной крошкой, так что на эти царапины внимания можно было не обращать.

Дальше разборка пошла сложнее. У охранников был большой численный перевес, но зато у засевших в метеостанции были автоматы и более хорошее укрытие. Однако примерно через минуту стало ясно, что охранники все же одерживают верх. Они, прикрывая друг друга плотным огнем, подбирались все ближе и ближе к метеостанции. Двое стреляли по одному окну, двое по другому, не давая противникам целиться, а пятый охранник в это время делал перебежку. Они подбирались все ближе и ближе, готовились к решительному штурму и думали уже только об одном – не дать сукам скрыться, отомстить за убитых корешей. Победа уже казалась боевикам делом чистой техники, но тут на поле боя появился еще один не учтенный ими фактор, резко изменивший ситуацию.

Подбираясь все ближе к свалке, все охранники повернулись спинами к морю и корабельному кладбищу, так что никто из них не видел, что там происходит. Казалось бы, и правильно – во время боя все внимание надо сосредотачивать на противнике, а не глазеть по сторонам, однако на сей раз это оказалось роковой ошибкой. Огонь со стороны свалки и метеостанции был в основном отвлекающим, и теперь профессионализм и тонкий расчет нападавших дали себя знать. Из боевой рубки списанного сторожевого катера, стоявшего в нескольких метрах от берега, высунулся пулеметный ствол и хищно нацелился на беззащитные спины парней.

Глава 11

Место пулеметчика было выбрано грамотно. Боевые рубки сторожевых катеров делают бронированными, и с этого катера, когда его списывали, броню, разумеется, снимать не стали – больше возни было бы, чем пользы. Поэтому теперь пулеметчик мог чувствовать себя совершенно спокойно, достать его pistolетным выстрелом с берега было практически невозможно. А учитывая неожиданность его вступления в бой, шансы на успех становились и вовсе почти стопроцентными.

Среднего возраста мужик, широкоплечий и низкорослый, стоял в боевой рубке, широко расставив ноги и прикинув к крупнокалиберному станкачу. На его широкоскулом лице была написана жестокая радость, рот кривился в хищном оскале, к нижней губе прилипла погасшая сигарета. Перед ним было пять спин, и пулеметчик старался рассчитать все так, чтобы успеть срезать всех, прежде чем они успеют опомниться. Так, первыми нужно мочить самых дальних, тех, кто уже совсем близко к свалке подобрался. Потом того, кто ближе всех, а то еще рванет сюда, может ведь и успеть добежать. Так, ну а потом, в последнюю очередь, остальных двоих. Все правильно? Все. Значит, решено.

Все эти размышления заняли у пулеметчика не больше пяти секунд. Он навел ствол на самого дальнего от себя охранника и нажал на спуск. Грохот пулеметной очереди мгновенно перекрыл весь шум перестрелки, прокатился над бухтой и отозвался гулким эхом в прибрежных скалах.

Охранники смотрящего совершенно не ожидали нападения со стороны моря, и поэтому расчет пулеметчика оказался верен. Первая же длинная очередь смяла подобравшегося уже метров на десять к свалке Прокошу, прежде чем он успел хоть что-то осознать. Он умер мгновенно и спустя секунду сполз по серому валуну, оставляя на нем широкие кровавые потеки. Крупнокалиберные пулеметные пули, попав в спину, прошли парня насквозь, проделав в нем четыре дыры размером с крупный абрикос. Срезав первого, пулеметчик тут же, не отпуская гашетки, перевел ствол станкача на второго боевика, подбиравшегося к метеостанции с другой стороны. Патронов он не жалел – все-таки пулемет есть пулемет. Очередь прошла по каменной земле, взрывая ее и вышибая фонтанчики мерзлой глины и каменной крошки.

Парень, услышавший сзади грохот очереди, успел только обернуться. Очередь поднималась снизу, от земли, и поэтому погиб он не сразу. Первая пуля попала ему в бедро и отшвырнула на два шага в сторону, сместив пулеметчику мишень. Впрочем, тот сумел сориентироваться быстро. Упавший на спину боевик успел увидеть хлещущую из своего разорванного крупнокалиберной пулей бедра струю крови и удивиться, почему же ему совсем не больно, когда вильнувшая в его сторону очередь навсегда закрыла ему глаза. Две пули пробили грудь, а третья попала в середину лба, практически полностью снеся всю верхнюю половину черепа.

Все это заняло секунды три-четыре. За это время трое оставшихся в живых охранников успели понять, что происходит. Однако понять было мало, надо было в считанные мгновения, пока пулеметчик переводил прицел своего тяжелого орудия, придумать, что делать. Если бы стрелявший из катера был один, то можно было бы обежать валуны, за которыми они прятались, и укрыться за ними. Однако этого делать было никак нельзя. Тогда они попали бы под автоматный огонь со стороны метеостанции. Сейчас автоматчики перестали стрелять и, видимо, спрятались, опасаясь попасть под шальную пулю из пулемета, стрелявшего в их сторону. Но стоит только парням выскочить на простреливаемый участок, как они дадут о себе знать. Ведь они с пулеметчиком действуют заодно, так что скоординировать действия будет просто, не исключено, что у них даже какая-то связь есть.

Все эти мысли пронеслись в головах оставшихся в живых со скоростью молнии. Однако пользы от этого было мало. Лежавший ближе всех к морю и к катеру охранник сначала дернулся

вперед, чтобы обогнуть камень, но тут же вернулся назад. Он решил сделать то, чего и опасался пулеметчик – рвануть к катеру и попытаться попасть в мертвую зону. Он даже успел вскочить на ноги и один раз выстрелить в сторону рубки. Беда в том, что этот рывок был просчитан противником заранее, и, прежде чем боевик успел сделать хоть один шаг, грудь и живот ему распорол пулеметная очередь.

Парень отлетел назад и рухнул на землю. Как ни странно, он умер не сразу, еще секунд десять он видел постепенно меркнущий дневной свет и слышал отдаляющиеся звуки выстрелов. Потом свет погас и звуки умолкли. Но тех секунд, которые пулеметчик потратил на него, оставшимся в живых двоим хватило на то, чтобы сделать что-то осмысленное. Когда пулеметчик начал огонь, они лежали метрах в семи друг от друга, за крупными валунами, лицом к свалке и спиной к морю.

Но между ними, примерно посередине, был еще один камень, правда, раза в три ниже тех, за которыми они прятались, укрыться за ним можно было только скорчившись в три погребели. Зато он был довольно длинным и широким и, самое главное, обращен широкой частью к морю. С той стороны этот камень прикрывал небольшой холмик, оставляя небольшое пространство, которое было защищено и со стороны моря, и со стороны свалки. Единственное возможное решение созрело у боевиков практически одновременно, и они, каждый со своей стороны, метнулись к возможному укрытию. Рванувший слева сделал три шага, потом изо всех сил прыгнул вперед и, перекатившись, скрылся за камнем.

Воздух снова рассекла пулеметная очередь, но стрелявший опоздал, самая близкая к парню пуля прошла в полуметре от его ног. Зато второму повезло меньше. Бежать ему было не дальше, но зато стреляли в него из автомата, которым намного легче ловить в прицел быстро движущуюся мишень, чем тяжелым станкачом. Он успел добежать до укрытия, но одна из пуль попала ему в левое плечо чуть ниже сустава. Он ощутил сильный толчок и сразу за ним резкую боль.

– Серый, к камню! – прохрипел ему второй, дергая за рукав на себя. – Прижмись, не достанут!

Однако спустя секунду оказалось, что он был не прав. Позиция между холмиком и камнем была, конечно, лучше прежней, но и она простреливалась. Валун прикрывал их от пулеметчика, но земляной холмик был не точно между ними и метеостанцией, а чуть сбоку, поэтому при должной выучке попасть в них оттуда было можно. Особенно если бы автоматчики переместились немного вправо и стреляли из другого, крайнего окна. Оставшийся невредимым охранник понял это моментально.

– Серый, крайнее окно! Не давай высунуться! – Тут он заметил окровавленную дыру в левом плече кореша, его стремительно бледнеющее лицо и бессильно выругался.

– Серега, держись! Держись!!!

Раненый держался. Он поднял пистолет и поймал стволом крайнее окно. Держать прицел было трудно. Левая рука бессильно обвисла и совершенно его не слушалась, а долго целиться, держа пистолет одной рукой, было трудно. Кроме того, он чувствовал начинающееся головокружение. Потеря крови уже давала о себе знать.

– Держусь, Женек, – прохрипел он.

В этот момент из станции снова стали стрелять, и им пришлось как можно сильнее вжиматься в землю. Похоже, автоматчики не стали менять положение, рассчитывая достать их и так.

– Вашу мать! – выдохнул Женек. Если бы можно было сместиться чуть левее, то земляной холмик прикрыв бы их от автоматчиков полностью. Однако делать этого было нельзя, тогда бы они подставились пулеметчику, который и так практически ни на секунду не прекращал стрелять, словно надеясь пробить камень насквозь.

Следующая автоматная очередь ударила по камню уже совсем близко от них. Дождавшись, когда она смолкнет, Женек высунулся и трижды выстрелил по окну, но прятаться не стал. Он помнил, что в его пистолете есть еще три патрона, и понимал, что их единственным шансом было подстрелить автоматчиков. Поэтому он сознательно сделал из себя прекрасную мишень, рассчитывая, что когда увидит в окне вспышки выстрелов, то тоже успеет выстрелить. А там уж будь что будет – или он попадет, или в него попадут! Но это хоть какой-то шанс, и уж во всяком случае куда лучше, чем безропотно ждать, когда их наконец накроют.

Случилось именно то, чего он и ожидал. В окне мелькнуло чье-то бледное лицо и появились вспышки выстрелов. Он успел дважды нажать на спусковой крючок, и тут же что-то тупо толкнуло его в грудь. Больно не было, но по всему телу мгновенно разлилась какая-то противная слабость, руки уже не держали пистолет, а палец не мог согнуться и нажать на спуск. Почему-то это казалось ему очень важным – выстрелить третий раз, выпустить последний патрон. Тогда можно будет умереть спокойно. Но он так и не смог этого сделать и не узнал, достигли ли цели два его первых выстрела.

Увидев, как ткнулся лицом в землю его последний соратник, оставшийся в одиночестве раненый охранник совершенно отчетливо понял, что его дело проиграно. С каждой секундой из раны в плече вытекало все больше крови, перед глазами уже все двоилось, он почувствовал, что теряет равновесие и тяжело упал, сразу наполовину высунувшись из-за спасительного камня.

«Все, вот и конец. Интересно, что же это за суки были?» – успел подумать он, прежде чем пулеметная очередь вдребезги разнесла ему череп.

Охрана смотрящего была перебита полностью. Весь бой – с гранатометного выстрела и до гибели последнего из охранников – занял не больше пяти минут. Такие перестрелки всегда скоротечны.

Глава 12

Неподалеку от места боя, за старым ржавым контейнером морфлота, валявшимся на свалке, стояли двое крепких мужчин. Один из них был в черной кожаной куртке, второй в новом теплом бушлате, головы у обоих непокрыты. По скупым, уверенным движениям было видно, что это не кабинетные работники, а скорее опытные силовики, притом не из рядового состава. Об этом говорил их возраст и выражения суровых лиц. Один из мужчин, тот, что был одет в куртку, держал в руках мощный морской бинокль с сорокакратным увеличением.

– Ну и что там? – нетерпеливо спросил у него второй.

– Сейчас посмотрим, – отозвался первый и плавным движением поднес бинокль к глазам.

Некоторое время он внимательно изучал берег бухты и метеостанцию, в которой уже, разумеется, никого не было.

– Ну так что молчишь? Как там? Закончили?

– Кажется, да, – отозвался тот, что держал бинокль. – Охрану, похоже, всю перешмалели.

– А наши как?

– По-моему, без потерь. Точно, конечно, не скажу, такое и в оптику не разглядишь, но если и зацепили кого, то не особенно серьезно.

– А эти двое? – по напряженному тону, с которым был задан этот вопрос, было сразу понятно, что ответ на него интересует спрашивающего чуть ли не больше, чем исход стычки.

– Они там, – отозвался человек в куртке, снова поднося к глазам бинокль. – Точно там. Оба. Из тачки не выходили.

– Ну, с богом! Теперь главное – аккуратно, чтобы «Хаммер» не зацепить.

– Не волнуйся, не зацепят. И дело уже сделано, и сказано ребятам три раза было, не забудут. Они профессионалы своего дела. Или ты еще в этом не убедился?

– Убедился... – хмыкнул мужик в пальто. – Теперь уж точно убедился.

Глава 13

Коля Колыма в перестрелке не участвовал. В момент взрыва микроавтобуса охраны он стоял рядом с внедорожником, на котором они со смотрящим приехали на место стрелки, и, едва началась перестрелка, спрятался за ним. Участвовать в бою Колыма не мог – участники переговоров по понятиям должны были приезжать на стрелку без оружия. Батя всегда был ревнителем блатных традиций, поэтому и он сам, и его правая рука оружия при себе не имели.

Пока охранники вели перестрелку с автоматчиками, засевшими на метеостанции, Колыма старался не высовываться из-за машины. Он прекрасно понимал, что, скорее всего, нападавшие про него попросту забыли, но стоит им о нем вспомнить, как ему настанет конец. Машина все-таки не очень надежное укрытие от автоматных очередей, а ему даже ответить нечем. Да и незачем ему высовываться. Судя по доносившимся до Колымы крикам охранников, пока они уверенно одерживали верх. Единственное, что в тот момент волновало блатного – это пахан.

Со своего места Колыма видел черный «Хаммер», знал, что из него никто не выходил, но что происходит внутри, ему видно не было. Для этого нужно было как минимум встать в полный рост. Однако времени поразмыслить о том, что произошло в «Хаммере», у Колымы не оказалось. Звуки перестрелки перекрыл мощный грохот длинной очереди. В бой вступил пулемет, и все кардинально изменилось.

Колыма мгновенно понял, что дело плохо – у охраны пулемета не было, значит, стреляли нападающие. Наплевав на опасность, Коля высунулся из-за заднего бампера. Он был готов кинуться на помощь парням, подобрать чье-нибудь оружие и вступить в перестрелку, несмотря на то, что во время броска его почти наверняка срезали бы. Но те несколько секунд, которые понадобились Колыме, чтобы оценить обстановку, оказались решающими. Именно в это время пулеметчик срезал троих из пяти оставшихся в живых охранников, а двое других залегли между низким камнем и холмиком.

Колыма понял, что бросаться в бой совершенно бесполезно. Он просто не успеет добежать даже до ближайшего из убитых, чтобы подобрать его пистолет, его срежут, как в тире. А если и сумеет каким-нибудь чудом добраться до ствола, проку от этого все равно никакого. Ну, застрелят его с пистолетом в руках, и все!

Колыма убрал голову, снова прячась за машиной. К счастью, и пулеметчик, и автоматчики были слишком заняты оставшимися в живых охранниками и его не заметили. Мысли неслись в голове Колымы, как бешеные. Что делать? Высовываться нельзя. Сидеть здесь толку нет, нападавшие обязательно проверяют поле боя, найдут его и пристрелят, защищаться ему нечем. А как же Батя?! Что с паханом?! Из «Хаммера» так никто и не выходил, они там с этим посредником, который наверняка всю эту дрянь и устроил! Нужно спасти пахана – вот что он может сделать!

Как только Колыма понял, что нужно делать, его мысли сразу стали короткими и четкими. До «Хаммера» метров двадцать. От моря его прикрывает та машина, за которой он сейчас прячется, а со свалки стрелять в него неудобно, окна в другую сторону направлены. Значит, нужно только успеть добежать. Если двигаться пригнувшись, то заметят его, когда он уже больше половины расстояния пробежит. Значит, останется меньше десяти метров. Это на две секунды. Что ж, пожалуй, есть шансы, что срезать его не успеют. Нужно только дожидаться, когда пулемет смолкнет, тогда у него будет еще несколько дополнительных секунд. Пулеметчик его заметит не сразу, а когда заметит, потратит время, чтобы взять на прицел и приготовиться к стрельбе.

Хорошо! А потом что? Потом прыгать в «Хаммер» и дальше по обстоятельствам. Раз пахан еще не попытался уйти сам, значит... Значит, либо он мертв, либо почему-то не может

двигаться. Оглушен, или под прицелом его сука-посредник держит. Значит, надо будет сразу валить посредника и уводить «Хаммер» вместе с паханом. Эх, вот тут самое слабое место! Из пулемета их накрыть смогут на раз-два. Ну что тут поделаешь – надо рисковать. Кстати! Ведь там же, в «Хаммере», еще и рыжье! Его уже в тачку к этому козлу погрузили! Отлично, значит, если все удастся, то этим сукам и золото не достанется. Ну а там... Дайте только самому вырваться и пахана вытащить. Вы у нас потом кровью умоетесь.

На все эти мысли Колыма потратил не больше десяти секунд. Он осторожно развернулся к месту перестрелки спиной, а к «Хаммеру» лицом и приготовился к рывку. После того как смолкнет пулемет, нужно выждать секунды две, чтобы пулеметчик успел расслабиться, и тогда рвать вперед. Дверца джипа как раз прямо перед ним расположена, сразу ее на себя рвануть – и в машину. Эх, знать бы, что там сейчас делается! Но по-любому нужно валить посредника, и как можно быстрее, пока его люди не успели сюда добежать. Жаль, никакого оружия нет. Хотя... Колыма посмотрел вокруг и подобрал с земли небольшой, размером с кулак, камень. Когда нет ничего более подходящего, то и камень оружие – сколько раз еще в детстве кирпичами дрался. Ну, теперь он полностью готов.

Спустя примерно полминуты пулемет смолк. «Раз, два, три, четыре», – сосчитал про себя Колыма и рванулся с места. Его расчет оказался верным. Пулеметчик как раз оторвался от своего оружия и расправил плечи, когда из-за внедорожника метнулась полусогнутая фигура. Он не успел навести ствол, а даже если бы и успел, выстрелить все равно бы не решился. Легко можно было зацепить «Хаммер», а это было ему категорически запрещено. Однако Колыма об этом не знал, и поэтому скорости, с которой он преодолел двадцать метров, разделявшие машины, позавидовал бы профессиональный спринтер.

Подлетев к «Хаммеру», блатной рванул на себя переднюю дверцу. Прямо перед ним на правом сиденье полулежал Батя, грудь у него была в крови. Он не шевелился, и было непонятно, жив он или мертв. Впрочем, в тот момент Колыме было не до этого. Рядом со смотрящим, на правом сиденье, за рулем сидел Голубев. Теперь он совершенно не походил на дешевого фрэера, каким казался в начале встречи. Умное, жесткое лицо, морщинки в уголках глаз, быстрые уверенные движения. В голове у Коли Колымы мелькнула совершенно неуместная сейчас мысль о том, что все же он точно где-то видел этого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.